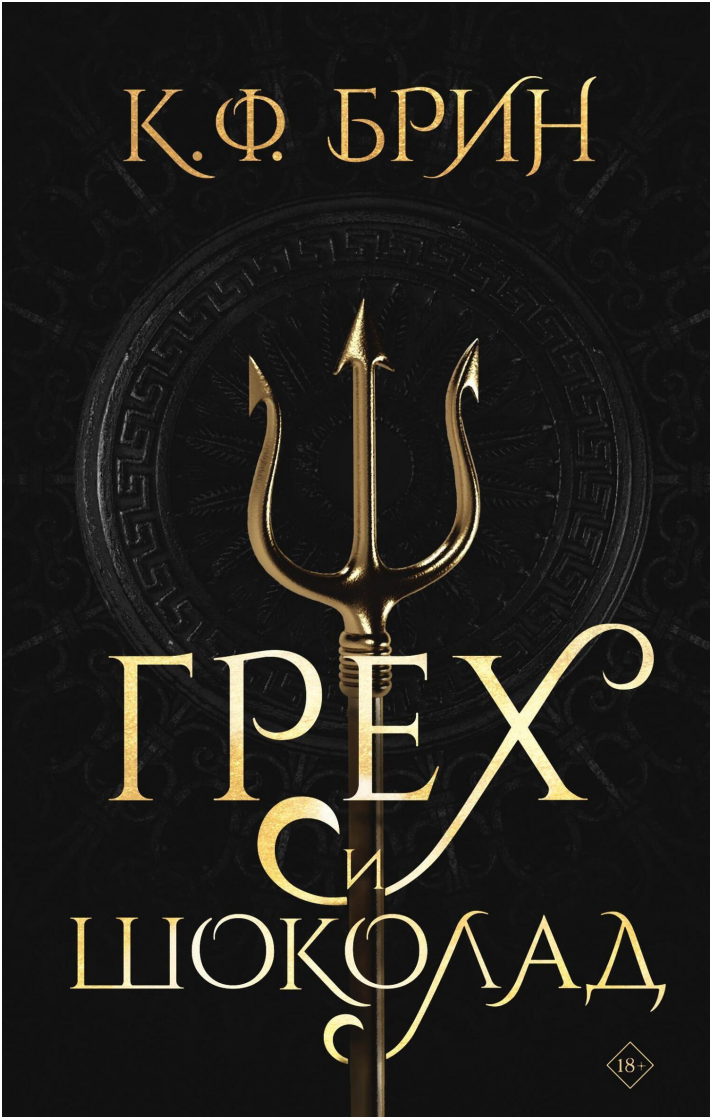
К.Ф. БРИН



ГРЕХ И ШОКОЛАД

18+

К. Ф. Брин

Грех и шоколад

Серия «Бестселлеры К. Ф. Брин. Восхитительно темные сказки» Серия «Полубоги Сан-Франциско», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69154027
Грех и шоколад. Роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152842-3

Аннотация

Жизнь Алексис не балует – тесная дешевая квартирка, много низкооплачиваемых работ и необходимость скрывать силу своей магии в Сан-Франциско, которым правит могущественный и жестокий полубог Валенса.

Киран, сын Валенса, обладает властью и богатством, которые и не снились простым смертным, но вместе с тем он отчаянно скучает по погибшей матери и втайне жаждет отомстить отцу за ее смерть.

Их случайная встреча изменит жизнь каждого: Алексис узнает истинную природу своей магии, а Киран получит неожиданное преимущество в своей тайной борьбе с отцом.

Вот только… смогут ли они справиться с внезапно вспыхнувшим желанием и остаться в живых?

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 41
Глава 6 62
Глава 7 73
Глава 8 84
Глава 9 90
Глава 10 98
Глава 11 107
Конец ознакомительного фрагмента. 114

К. Ф. Брин
Грех и шоколад
Роман

K. F. Breene
Sin & Chocolate

* * *

Печатается с разрешения автора и его литературного агента JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) при содействии Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Copyright © 2018 by K.F. Breene
© В. Двинина, перевод на русский язык, 2022
© Издательство «АСТ», 2023

Глава 1
Алексис

Кончиками пальцев я легонько погладила кожу прелестных дизайнерских сумочек и с тоской покосилась на ряды полок для обуви, выстроившихся у дальней стены. Чего бы я только не отдала за несколько сотен баксов, которые могла бы бездумно потратить на всякие милые аксессуары.

Медленно обходя блестящую вращающуюся стойку, с которой спутанными гроздьями свисали последние новинки, я шмыгнула носом. Чего бы я только не отдала за несколько сотен. Точка.

Постой-ка. Это же…

У меня перехватило дыхание, и я просто оцепенела. Там, из-под тисненой кожи и моднючих, как это ни смешно, кисточек, выглядывала настоящая царица всех сумочек!

Я нервно облизнулась и придвинулась ближе, развернувшись так, чтобы никто из этих лахудр, любительниц распродаж, бродящих по просторному магазину, не увидел, *что* я нашла. Мои ловкие жадные пальцы проворно отодвинули товар поскромнее и сомкнулись на притаившейся в дебрях драгоценной добыче.

«Берберри».

И не просто «Берберри». Тоут. Среднего размера. С пряж-

кой. Розовый!

Я засматривалась на эту сумочку еще в прошлом сезоне в «Нордстроме», мечтая о том, чтобы у меня были хоть какие-нибудь, какие угодно средства, чтобы однажды (когда все мои многочисленные счета будут оплачены, а в холодильнике заведется еда) позволить себе такую дорогущую, но умопомрачительно стильную покупку!

Закрою глаза – и вижу, как горделиво шагаю по улице с этой красавицей на сгибе локтя, покачивая плечами в такт с моей сумочкой. Возможно, я заодно покачивала бы и бедрами. Я бы держала голову высоко и шагала широко, а не семенила, огибая важных особ, занимающих собой все окрестное пространство. Почему? Да потому что сама была бы важной особой. И другие огибали бы *меня*.

Трясущимися руками я сняла с крючка мягкий кожаный ремешок, отодвинув другие (не столь интересные, хотя и по-прежнему слишком дорогие для меня) сумочки, и прошептала:

– О Боже.

Я, Алексис Прайс, держу тоут «Берберри» среднего размера с пряжкой… розовый.

Я повесила эту роскошную вещь на плечо и – со стеснением в груди – позволила себе представить другую жизнь: приветливо кивающих коллег, уступающих мне дорогу не-магов – и шикарный новый стиль, включающий не только сумочку, но и обувь моего размера без дырок.

– Это «Берберри»? – сдавленно выдохнул кто-то за моей спиной.

Мертвой хваткой вцепившись в ремешок, я резко развернулась, готовая сразиться с врагом.

– Да, – ответила я, подобравшись.

Плосколицая женщина с широким приплюснутым носом прищурила жадные, чересчур сильно накрашенные глаза.

Да, в день поставки «Берберри» крайне редко удавалось избежать первого натиска яростных посетительниц этого магазина, одержимых идеей приобрести первоклассную модную вещь по сниженным ценам.

– Мило, не правда ли? – с показным безразличием проговорила я; собрав всю свою смелость, поправила ремешок на плече и, придерживая добычу, двинулась в обход соперницы. – Пойду прогуляю ее. Посмотрю, подходит ли она мне.

Я сразу взяла высокий темп, довольно развязно двигая верхней частью тела в надежде отвлечь женщину от потрепанных туфель, болезненно обжимающих мои ноги. Белая рубашка и немного мятые брюки цвета хаки меня не беспокоили: они были чистыми, без пятен, и я сомневалась, что тетка поймет, что на самом деле это униформа. Плосколицая имела все основания полагать, что я на самом деле могу сейчас унести эту фантастическую сумку домой.

Огибая стеллаж с одеждой, я чувствовала ее взгляд, сверлящий мне спину. У грузной женщины, стоящей в конце ряда, собранные в хвост волосы были подвязаны знакомой зе-

леной лентой, на которой, как я знала, было написано «Горжусь тем, что я чешир». Чешир – довольно унизительное прозвище для не-магов. Женщина скользнула по мне взглядом, потом посмотрела внимательнее, отыскивая признаки *инакости* (то бишь магии). Крылья, когти, способность отращивать шерсть и клыки…

К сожалению, ничем таким я не обладала.

Это дало бы мне статус в магическом сообществе. Статус – то, чем я никогда не обладала. На данный момент у меня имелись лишь потрясающая сумочка и воистину скверный характер. Что ж, всегда приходится работать с тем, что есть.

Я уставилась в чужие прищуренные глаза, безмолвно давая понять, что со мной шутки плохи. Страх – сильное средство, удерживающее от нехороших поступков по отношению к кому-либо, хотя, если речь идет конкретно обо мне, этой особе бояться нечего.

Скверный характер плюс лгунья. Ну, бывает и хуже.

Решительный взгляд сработал – женщина напряглась, дернула головой, уже собираясь снова заняться осмотром полок, но тут она заметила висящий у меня на плече раритет.

В ее мутно-карих гляделках полыхнул голод, и танкоподобное тело развернулось ко мне.

Страх, как правило, удерживает от нехороших поступков, но только не засекших «Берберри» посетительниц этого магазина, дешевле которого не найти – из-за его местоположения в зоне двойного сообщества.

Бабища пристально уставилась на меня, ощупывая взглядом каждый дюйм моего тела. Задержалась на туфлях, потом переключила внимание на крошечную холщовую… ну, этакую торбу, служившую мне кошельком, висящую поверх моей дешевой хлопчатобумажной рубахи. И я вдруг поняла, что отсутствия пятен на одежде недостаточно.

В глазах женщины вспыхнуло возбуждение:

– Ты не можешь позволить себе эту сумку, – обличительно прошипела она.

Костяшки моих пальцев, сжимающих ремешок сумочки, побелели. Подбородок я задирала так напряженно, что аж вспотела. Хоть мы и находились в зоне двойного сообщества – нечто вроде Дикого Запада Сан-Франциско – здесь, в магазине, работали только не-маги. Если эта овца поднимет шумиху, не-магические управленцы проверят мои документы, установят личность – и увидят, что в магическом сообществе я не обладаю абсолютно никаким статусом. Тогда они, как пить дать, с полным правом откажут мне в обслуживании и вышвырнут меня вон, чтобы угодить клиентам. Так и будет – знаю по личному горькому опыту.

Да только это меня не остановит.

– А вот и могу, – соврала я, высокомерно проходя мимо нее. – На это уйдет все мое наследство, но я *могу*. Только вот думаю, *стоит* ли.

– Я первая ее увидела! – взвизгнула та женщина с плоским лицом, которая, последовав за мной, уже обогнула стойки с

одеждой. Еще три покупательницы с любопытством оглянулись на нас. А маячивший на заднем плане мужчина мудро решил не лезть не в свое дело. – Я ее уже застолбила!

Мисс «Горжусь тем, что я чешир» нахмурилась и стиснула зубы:

– Что-то я не слышала.

– Застолбила! – выкрикнула плосколицая.

Пытаясь не обращать внимания на пронзительные голоса, спорящие о том, можно ли *застолбить* сумочку «Берберри», я направилась к практически безлюдной мужской секции. Запах *новизны* дразнил обоняние, плечо кайфовало, ощущая вес сумки моей последней мечты. Мимоходом я приметила классическую рубашку, которая великолепно смотрелась бы на худющем Мордекае, потом слаксы, которых у него никогда не было.

Сердце мое упало.

Мордекай. Его болезнь – единственная причина этой вылазки. И единственное, о чем я должна мечтать – это о возможности приобрести ему лекарства. Или – о, пустые надежды! – о процедуре его излечения.

Я позволила ремешку соскользнуть с плеча и, не церемонясь, уронила сумку на пол. Женщины мигом набросились на нее, колотя друг дружку, чтобы ухватить раритет первой. Не останавливаясь и не обращая внимания на ошарашенные взгляды безмолвного мужчины, я двинулась к выходу.

Грезить о предметах роскоши бессмысленно. По крайней

мере, на данном этапе моей жизни. Как, честно говоря, и на любом другом этапе. Возможно, однажды Мордекай и Дейзи, мои подопечные, все-таки встанут на ноги и будут счастливы, а я придумаю способ зашибать деньгу. Но, надо признаться, у меня, как и у моей матери, есть дурная привычка подбирать заблудших и сирых. Прибыли сие не способствует, но этот мир – яма для каждого, кто ему не принадлежит. Если я могу уберечь хоть одного ребенка от смерти на улицах, я это сделаю, даже если это означает, что мне придется ловчить до конца моих дней.

Мечтать о малом. Вот билет в будущее.

Например, мне всегда хотелось иметь маленький гламурный сотовый телефон, какой есть у всех влиятельных людей – такой, знаете, с навороченным экраном, непрактично-хрупкий. И что же я сделала? Задружилась на моей последней низкооплачиваемой работе с одним придурком, жутко неуклюжим типом. Парень постоянно ронял свой телефон – когда нес всякую чушь или флиртовал некстати. Я дождалась, когда выйдет новейшая модель и, когда этот кретин в очередной раз раскокал свой экран, отпустила несколько комментариев насчет того, какие новые телефоны суперпрочные, не говоря уже об их крутизне.

Через неделю у него был новый телефон. А еще через неделю, когда его сексуальные намеки уже вымотали мне все нервы, он швырнул мне свой не-такой-уж-и-старый телефон с тремя трещинами на экране со словами: «Вот. Можешь за-

брать этот жалкий кусок дерьма. Он вполне соответствует твоему… образу».

Он, как обычно, насмешничал надо мной, что значительно облегчило сделку. Я, конечно, долго отказывалась от подарка, думая лишь о том, как бы не перестараться, потом остаток дня целовала его задницу – а потом ушла домой с желанным изящным мобильником.

Всю неделю после того, как я получила то, что хотела, я нещадно подкалывала его всякий раз, когда он вел себя как кретин, так что он частенько в бешенстве уносился прочь. Как и требовалось, псевдодружба стремительно сошла на нет, и я вернулась к отсутствию головной боли – приобретя стильный новенький телефон.

Так маленькая мечта превратилась в реальность. И совесть моя осталась чиста, потому что парня все считали законченным козлом. Таким типам только на пользу, если ими время от времени манипулируют.

Шагая вдоль торгового комплекса, по улице, ведущей к магазину, который я, собственно, и намеревалась посетить изначально, я сунула руку в торбу-кошелек, порылась там и достала телефон. На большом экране ярко горели цифры: двенадцать тридцать четыре. Легкомысленная охота за скидками на модную дрянь отняла у меня половину отведенного на обед часа.

А еще мне пришло какое-то сообщение с домашнего номера. Коснувшись экрана, я активировала голосовую почту;

глядя, как медленно загружается запись, я шагнула с пешеходной дорожки на редко используемый служебный проезд, тянущийся вдоль магазинов.

Взвизгнули по бетону шины – так, что сердце мое остановилось. Блеснул отсвет на красном капоте, мелькнул вздыбившийся на желтом поле черный жеребец. Какой-то богатей в крутой тачке несся прямо на меня. Он – или она – конечно, и не подумает останавливаться ради бедной девочки, так что я, похоже, вот-вот стану новым украшением капота.

Глава 2
Киран

Эхо скрипучего голоса отца, говорящего, что надо же иметь хоть немного гордости, звучало в голове Кирана, ведущего свой новый «Феррари» через захудалый торговый комплекс, расположенный в омерзительной части города.

В магическом сообществе лишь отщепенцы без чувства собственного достоинства, или преступники, скрывающиеся от магического правительственного органа – *магистрата,* – проводили время в зонах двойного сообщества. Киран не принадлежал ни к тем, ни к другим, но нуждался в прикрытии этого теневого района, чтобы негласно встретиться со своей командой. Только здесь, среди отбросов обоих сообществ, за которыми не следит ни одно из правительств, он мог быть уверен, что никто из отцовских шпионов не наблюдает за ним. Если бы Валенс проведал хоть что-то о планах Кирана, то выбил бы мир из-под ног сына. Да-да, это было в его силах.

Киран мчался вдоль ряда припаркованных машин, направляясь к служебному проезду, который приведет его на зады комплекса, где ждет его Шестерка – тщательно отобранная группа преданных помощников, поклявшихся на крови защищать его до последнего вздоха. Единственные

люди на этой планете, которым он безоговорочно доверял.

Поворачивая, он заметил длинноногую женщину, целеустремленно шагающую по обочине. Все ее внимание было поглощено телефоном, который она держала в руке. Женщина добралась до проезда первой и сошла с тротуара, даже не удосужившись поднять взгляд. Очевидно, она ожидала, что все остальные будут ее огибать.

Что ж, придется преподать ей урок об устройстве мира.

Он дотянул до последнего – и только тогда ударил по тормозам. Супертачка с визгом остановилась, бампер застыл буквально в футе от бедер раззявы.

Женщина вздрогнула от неожиданности, всплеснула руками – и упустила телефон, успевший пару раз кувыркнуться в воздухе, прежде чем гравитация овладела им.

Киран усмехнулся. Треснувший экран – не слишком серьезное наказание, но, будем надеяться, испуг заставит эту особу в следующий раз быть повнимательнее.

Он ожидал панического взгляда, за которым должно последовать удивление от осознания того, кому ты, дура, причинила неудобства, но женщина лишь стремительно наклонилась, протягивая руки. Телефон отскочил от ее подставленных ладоней, но она, изловчившись, все же поймала его – и принялась баюкать, точно раненого птенца.

Странное очарование на миг вытеснило раздражение. Она отлично сложена, эта женщина; спортивная, с быстрыми рефлексами. Но она проигнорировала очевидную угрозу соб-

ственной жизни… ради телефона. Что весьма необычно в заурядной части этого света.

Он нажал кнопку, опуская боковое стекло. Ему сильно хотелось саркастически поздравить женщину с тем, что она совершенно не беспокоится о собственных ногах, зато спасает какую-то дрянную вещицу, заменить которую проще простого. А еще – внушить ей то, что не смогли внушить визжащие шины.

Но прежде, чем Киран сделал выбор, в машину ворвался соленый океанский бриз, разбередив его чувства. Ощущения и запах напомнили ему о доме. О славных временах, об охоте и рыбалке, о скачках верхом по зеленым полям Ирландии. Но почти сразу тоска, преследующая его столько лет, одержала верх. Тоска – и острая боль потери, напоминающая о смерти матери шесть месяцев назад.

Непрошеные образы заполонили сознание – родное иссохшее лицо, наполненные болью глаза, истаявшее чуть ли не до прозрачности тело.

Она пожертвовала собой ради него. Позволила ему чувствовать себя свободным, жить полной жизнью – а сама страдала, запертая в адской клетке. Той, которая в конце концов убила ее.

Волна вины – жгучей, острой вины – окатила его. Он стиснул зубы.

Нет. Это неправда.

Надо помнить, кто виноват на самом деле. Его отец. Это

он, по сути своей, похитил ее, заставил жить вполсилы. Украл ее жизненные силы и, медленно, но верно – само желание жить. Валенс убил ее. Медленно. Болезненно.

Пальцы охваченного яростью Кирана стиснули руль.

Нога чуть отжала тормоз. Если он собьет сейчас эту женщину, это наверняка преподаст ей хороший урок – и, возможно, немного облегчит его жгучий гнев. Он собьет ее – и никто, черт возьми, ничего не сможет с этим сделать. Да, это незаконно, но Полубог выше обвинений. Отец просто отмахнется от инцидента. А не-магическое руководство будет только радо пойти навстречу – из-за места происшествия. Нога Кирана вновь вдавила в пол тормоз. Ему что, и впрямь хочется иметь дело с последствиями того, что отец узнает, *где* он был?

Именно в этот момент женщина, крепко сжимающая свой телефон, наконец-то подняла глаза.

Чужой яростный взгляд буквально вонзился в него, обжигая, проникая в самое нутро. Все волоски на теле встали дыбом; кожу, мышцы, кости, казалось, сдирали, точно оберточную бумагу, обнажая то, что скрывается в сердцевине, выставляя на обозрение саму душу.

Он никогда не испытывал ничего подобного. Мощь ее магии…

На него обрушилось восхищение. Невероятно, но он чувствовал себя *уязвимым*. Как будто она в любой момент могла вырвать из него жизненную силу и отшвырнуть ее прочь.

Сердце забилось чаще, в кровь выбросился адреналин. Киран едва сдерживался, чтобы не скосить глаза вниз, чтобы убедиться, что такой эффект на него произвела ее мощная, *насыщенная* магия, а не какой-нибудь там кол, проткнувший его *физически*.

Однако ощущение исчезло прежде, чем Киран успел пустить в ход свою магию, защищаясь. И на его место пришло новое – поползло по коже, щекоча, охватывая все тело. Утонченное, чувственное, горячее, возбуждающее – такого он тоже не испытывал прежде. Сильное, спокойное, прочное, как сама земля, и старое, как время. Это чувство… оно было лучше, чем секс. Полнее, чем близость. Ему досталась лишь капля, но Киран знал, что ощущение это должно вызывать отчаянное привыкание.

Он прищурился, разглядывая плохо сидящую одежду женщины и ее драные туфли. Нет, ни слишком большая рубашка, ни спортивный бюстгальтер, ни крысиное гнездо вместо прически не могли скрыть сексуальных форм – и красоты лица женщины. Хотя она, очевидно, старалась. Старалась выглядеть жалкой, обыденной – как все обитатели этой облезлой дыры.

Однако, обладая такой сильной и уникальной магией, она должна была пройти обучение еще в детстве. Да, в несчастливый для нее день ее чуть не переехал тот, кто мог оценить уровень ее магии без всяких приборов. Ее маскировка сорвана.

Остается выяснить, что она здесь делает и на кого работает…

Глава 3
Алексис

Вишневый «Феррари» с незаглушенным двигателем застыл в начале служебного проезда. Желтая эмблема с черным конем замерла в футе от моих ног. С водительского сиденья на меня пялился потрясающе красивый парень лет эдак под тридцать, с изогнутыми изящной дугой бровями и острыми скулами.

Прелестно – богатенький и, вероятно, важный тип, чьи родители, очень может быть, владеют одним из магазинов в этом комплексе. Он, наверное, огибал здание, чтобы уволить какого-нибудь курьера или что-то вроде этого. И теперь, верно, злится из-за того, что я встала на пути его жуть-как-важного бизнеса. Эти спесивые ублюдки считают, что солнце сияет из их задниц, а от таких, как я, мало толку. Он не примет никаких извинений за то, что кто-то заступил ему дорогу. Зато мою смерть он принял бы будьте-нате.

К счастью, из комплекса – в отличие от отдельного магазина – меня выставить не могли. Мне на законных основаниях позволено находиться здесь, а вот ему не позволено убивать меня.

Значит, мне нужно восстановить личное пространство и прокачать уверенность. Когда не знаешь, с кем приходится

иметь дело, с магом или не-магом, но понимаешь, что уровень высокомерия будет ох как высок, лучше всего блефовать касательно собственной значимости. Это частенько выбивает снобов из колеи, давая тебе возможность улизнуть.

Я включила Стервозный Режим.

– Ты че, серьезно? – завопила я на него, тыкая пальцем в несуществующую «зебру». – Приоритет за переходами! Смотри куда прешь! Ты же мог меня убить!

Я подбоченилась и на секунду застыла, словно ожидая извинений.

Он даже не дрогнул, продолжая глазеть на меня сквозь сияющее со эантнейшей, шикарнейшей машины. У его жены или пужки оеленно имеется «Берберри» – и отнюдь не отвоеванный в жестокой борьбе в магазине уцененных товаров в Чертовой Дыре.

Я приподняла брови и чуть наклонилась, словно раздраженная тем, что он не отвечает.

– Я чуть не разбила телефон! – обвиняюще воскликнула я, громко фыркнула и покачала головой.

Ну, пожалуй, хватит.

Напустив на себя самый самоуверенный вид, я зашагала дальше.

– Тебе повезло, что я не стану подавать иск, – пробормотала я достаточно громко, чтобы он услышал, благо боковое стекло его тачки было слегка опущено.

Однако он, не реагируя, продолжал неотрывно смотреть

на меня, так, что у меня даже холодок пополз по спине. Я ускорила шаг, искренне надеясь, что этот тип – не чокнутый, чрезвычайно могущественный маг. Вздумает еще преследовать меня, затащит на магические земли – да и прикончит забавы ради.

– В следующий раз смотри куда едешь, – бросила я через плечо. – Дорогая машина не спасет тебя от тюряги.

Вот. Тонкий намек на то, что я не обладаю магией.

Только не-маги верят в то, что преступников надо сажать в бесплатные камеры с бесплатной едой и теплыми постелями, где им нечего делать, кроме как заниматься зарядкой и ждать произвольное количество времени выхода на свободу. Маги – куда большие варвары. Приговоры они выносят сурово и быстро, а потом приводят их в исполнение – так, как считают нужным. Столкнешься с оборотнем – и тебе откусят голову. Сам напросился. Столкнешься с Валенсом, Полубогом Сан-Франциско, и молись о быстрой смерти.

Я поежилась.

Искренне надеюсь, что парень не маг. Вот из-за таких стычек я и предпочитаю придерживаться зон двойного сообщества. Чеширы, худшие из не-магической компании, бывают сумасшедшими, но они, по крайней мере, следуют более точным законам с менее безумными карами. К тому же они меня игнорируют – вместо того, чтобы придираться. Беспроигрышный вариант.

За порогом ярко освещенного магазина в дальнем конце

комплекса меня встретил затхлый запах рециркулируемого воздуха. Еще одно не-принадлежащее-магам заведение, на сей раз торгующее товарами для дома и прочим подобным скарбом. Сюда-то мне и следовало направиться сразу, вместо того чтобы предаваться несбыточным фантазиям.

Маленькие часы у дверей говорили о том, что, чтобы успеть вернуться на работу вовремя, мне нужно войти – и выйти. Но зов всего блестящего и сверкающего сбил меня в курса. Я сразу заметила нечто, в чем отчаянно нуждалась: дивную ароматическую свечу, которая хоть немного замаскирует запах плесени в ванной.

Или вон там, возле странной картины с собачьей мордой – мусорный бак, крышка которого автоматически поднимается и опускается благодаря датчику. Я бы перестала влипать во всякую дрянь, выбрасывая очистки и разгребая бардак, устроенный детьми в кухне!

Или вот! Держатель для губки с присоской – будь у меня такой, мне бы не пришлось оставлять губку на краю грязной раковины, которую Мордекай и Дейзи должны были вымыть, сказали, что вымыли, и, естественно, этого не сделали.

Я упивалась видом всего того, что мне было крайне необходимо или, по крайней мере, могло пригодиться, одновременно думая о своем чудовищно низком остатке наличности. Настолько низком, что никакого пространства для маневров просто не было – бюджет позволял приобрести только *один* предмет, за которым я и пришла.

– Мечтай о малом, Алексис, – пробормотала я, тоскливо глядя на полки с кухонными прибамбасами. – Мечтай о малом.

Сегодня я была станком по производству вздохов.

И я вернулась в другую часть магазина – в отдел одеял.

Мордекая, спрошенного, какой цвет он бы предпочел, сперва нужно было еще убедить в том, что да, ему действительно нужно нормальное одеяло. Роскошь центрального отопления мы позволить себе не могли, а все его одеяла порядком поистрепались. Наконец он признал, что веселенькая расцветка его бы устроила. Очевидно, тусклая цветовая гамма нашего дома была ему не по вкусу.

Моя рука зависла над ярко-желтым одеялом с маленькими кисточками на углах. Он хотел вишневое. Желтый – определенно веселый цвет, но я точно знала, что он его ненавидит. Я люблю шутить, но эта шутка слишком груба, даже для меня.

А если розовое? Мягкий, радостный цвет. Нет, не то. Бирюзовый… возможно. Выглядит как-то уж слишком по-детски, но кто я такая, чтобы судить?

Проверив цену, я кивнула и сняла одеяло с полки. Пойдет.

Уже направившись к кассе, я заметила толстое серое одеяло. Снабженное биркой, на которой значилась неимоверная цена почти в три сотни долларов, оно кичилось ровными строчками, разбивающими его на аккуратные ромбы, и стильной красной лентой по периметру.

Упаковка наводила на мысль о качественном товаре. Предмет роскоши!

Я люблю роскошь. Будь я богатой, я бы отлично с ней справилась. Я просто рождена для роскоши. Возможно, однажды я выйду замуж за принца и, изобретя способ избавиться от управления его страной, вплотную займусь его кредитной картой. Я улыбнулась, воображая открывающиеся при таком раскладе перспективы.

– Это одеяло не вписывается в категорию «Мечтать о малом», идиотка, – пробормотала я себе под нос, борясь с желанием протянуть руку и коснуться ткани. Я знала, какой она будет мягкой. Как обласкает мою кожу, умоляя о покупке.

Но у меня нет таких денег. А если бы были, то у нас было бы отопление, и мне вообще не понадобилась бы эта чертова штука.

Но разве Мордекай не заслуживает самого лучшего?

– Он и получит лучшее. Лучшее бирюзовое…

У него проблемы со сном, и это лишь ухудшает его состояние. Он любит, когда одеял много. Вагон и маленькая тележка одеял. Это бы ему помогло.

– Так же, как и включенное отопление.

На ярлыке значилось, что это *утяжеленное* одеяло – я о таком раньше и не слышала. Ознакомившись с другими свойствами – высококлассное, терапевтическое: именно то, что нужно Мордекаю, то, чего он заслуживает, – я, эксперимента ради, приподняла одеяло, оценивая его вес, и неволь-

но прижала вещицу к лицу.

– Оооох.

Гладкая ткань поцеловала меня в щеку; одеяло не желало покидать мои объятья, умоляя забрать его домой.

Эй, поостынь-ка, девочка.

Длительный период безденежья и воздержания шутил со мной дурные шутки, проявляясь в неодушевленных предметах премиум-класса. Возможно, Мордекай не единственный нуждался в «терапевтических средствах», хотя мои обычно не принимали форму одеяла…

Я прикусила губу, глядя на цену. Так много денег…

А трудно ли будет спереть это офигенное?..

Не успела я отговорить себя от этой ужасной идеи, как меня охватило странное чувство. Как будто чей-то взгляд сверлил мой затылок. Только на сей раз я знала, что дело не в другом покупателе, позарившемся на роскошную вещь в моих руках.

Мои внутренние – врожденные – датчики опасности взревели во всю свою мощь.

Не может быть, чтобы этот парень последовал за мной. Не может такого быть. У типов вроде него, богатых и титулованных, свои дела. Важные дела, поглощающие их внимание. Идиотку вроде меня они не должны даже замечать – ну разве что в первый момент она вызовет у них законное раздражение.

Если только он не тот самый безумный маг, ищущий раз-

влечений. Может, ему было скучно – а тут на ловца и зверь прибежал.

– Ублюдок, – процедила я сквозь стиснутые зубы. Ну что за невезуха-то…

Двигаясь очень, очень медленно, я положила толстое дивное одеяло обратно на полку и чуть повернулась, бросив взгляд через плечо.

Холод пробрал меня до костей, страх пополз по позвоночнику, от дурных предчувствий едва не подкосились ноги.

Пронзительно-синие *грозовые* глаза под высокими, изящно изогнутыми бровями взирали на меня поверх полки с глупыми безделушками. Уголки сочных, идеально вылепленных губ, превращающих грубоватое лицо в нечто немыслимо, возмутительно прекрасное, поползли вниз, рождая гримасу.

Гримасы психов – это плохо. Он последовал за мной – это плохо.

Все плохо.

Значит, пора уходить.

Глава 4
Алексис

Я повернулась, чтобы сунуть на полку бирюзовое одеяло, но остановилась:

– Едрен батон жуй гандон.

Так всегда говорила моя мать, пытаясь при мне не ругаться. Хотя, кажется, ей это не слишком хорошо удавалось.

Мордекаю *необходимо* одеяло. Он борется с серьезным кашлем, а, с учетом его хронического заболевания, еще одна холодная ночь может довести его до бронхита – или еще чего похуже. Работой моей заправляют прижимистые не-маги, и потому предлагают они лишь не-магическое медицинское страхование. А так как наш шарик, в сущности, разделен на два мира, ну, за исключением определенных зон, маги вроде меня и Мордекая могут получать медицинскую помощь только в магических учреждениях – и только имея магическую медицинскую страховку или большие деньги. У меня не было ни того, ни другого. Если Мордекаю станет хуже, его не примет даже местное отделение неотложной помощи. И я ничем не смогу ему помочь.

Мне нужно это одеяло.

Сунув одеяло под мышку и делая вид, что меня не колотит от избытка адреналина, я двинулась к кассе. Но когда муж-

чина предстал передо мной в полный рост, я уже не могла больше притворяться.

Он был сложен как бог. Широкие плечи, узкие бедра, белая футболка, подчеркивающая мускулистые бицепсы, выпуклости грудных мышц и плоский живот. Картину силы и мощи довершали плотно облегающие джинсы.

Мужчина был бы просто потрясающим, если бы не грубая энергия, исходящая от него бурными волнами. В глазах его затаилась злоба, говорящая о неуравновешенности. Поживите в щелях сообщества достаточно долго – и станете экспертом по распознаванию опасности. Этот парень способен убить (и, наверное, уже убивал), не моргнув глазом. Он здесь не для того, чтобы поболтать. Если бы ему было что сказать, он бы давно уже сказал. Если ему хотелось униженных извинений, он бы не выслеживал меня молча, как хищник – жертву.

Все инстинкты велели мне бежать, бежать так, словно волосы мои в огне. В этой сцене я лишь маленькая мышка, а он – змея, свернувшаяся кольцами змея, готовая нанести удар.

Но я все-таки опекун, если не псевдомать, и я не подведу Мордекая из-за какого-то там до умопомрачения пугающего и до умопомрачения же привлекательного маньяка. Оставалось только надеяться, что этот тип не настолько не в себе, чтобы прицепиться ко мне у всех на виду.

А значит, черт побери, *мне* следует держаться у всех на виду.

– Я должна это купить, – бормотала я, подбадривая себя, ускоряя шаг. – Он слишком болен, чтобы не купить. Просто надо… пошевеливаться.

Этот парень большой, только вот быстрый ли он? Потому что я-то быстра. Супербыстра, особенно когда меня преследуют чересчур мускулистые гиганты.

У кассы я вознесла хвалу всем святым за отсутствие очереди и наличные в моем кармане. Не будет никаких неловких пауз, пока кудрявая кассирша сверяет мое удостоверение личности с дебетовой картой, осознает, что я не такая, «как она», и пытается сообразить, может она меня обслужить или нет. Да, иногда ответ бывал отрицательным, но кассир действительно должен знать правила заведения, в котором работает.

Когда она потянулась за одеялом, я тряхнула головой, отбрасывая с лица волосы – и пряча тревожную дрожь. Широкая улыбка кассирши успокаивала, и я тоже улыбнулась в ответ, как бы говоря: мы – ровня. Просто две обычные девчонки, живущие каждая своей жизнью.

Пространство за моей спиной заполнило пугающее присутствие, и я сглотнула внезапно подступивший к горлу комок.

– Сэр, я могу обслужить вас здесь, – сладким голосом пропела девица за соседней кассой.

Моя кассирша – Дарлин, судя по бейджу – подняла взгляд. Глаза ее расширились, и сунуть одеяло в пакет ей удалось не

сразу.

– Сэр? – вновь позвала соседняя кассирша.

– Я останусь тут.

Голос его был низким и хрипловатым. Уверенность, звучащая в этом голосе, пробрала меня до костей, обожгла кожу.

Я с усилием втянула в себя воздух, чувствуя, как внутри меня разливается тепло, жаркая тяга, та самая, что заставляет девушку остановиться и *оценить*. Обе кассирши – постарше меня, но такие же уязвимые, зеркалом повторили мою реакцию. Я почти не заметила легкого акцента, делающего его голос еще обворожительнее. Зато определенно заметила мощь его присутствия, просто бьющую наповал: такого я никогда раньше не чувствовала. Это было прекрасно, это обескураживало и ужасало одновременно.

Я подалась вперед. Ноги мои задрожали сильнее, ступни покалывало.

– Побыстрее, пожалуйста, – тихо сказала я, протягивая деньги.

Улыбка кассирши малость утратила уверенность. Девица то и дело косилась на стоящего за мной мужчину.

– Конечно.

Секунду спустя я подхватила пакет и решительно приказала себе не оглядываться. Не будет визуального контакта – и, возможно, маленькие гремлины, крутящие шестеренки в его башке, не возбудятся.

И тут же ослушалась собственного приказа.

Грозовой взгляд тут же впился в меня. Его глаза были серо-синими, как океан перед штормом. По моим прикидкам, рост его составлял шасть футов два дюйма, то есть он был выше меня всего-то дюймов на пять. В обычной ситуации это не показалось бы мне внушительным, но, при его мощи и стати, возникло ощущение, что он возвышается надо мной, невероятно огромный и могущественный.

Руки его были пусты. Он ничего не покупал.

– Чек нужен? – спросила кассирша, но я уже устремилась прочь.

За дверью я зашагала быстрее, готовая перейти на бег, если он бросится за мной. Однако магазин остался уже далеко позади, а меня никто не преследовал.

Нет, шага я не замедлила.

Моя древняя «Хонда», вся в пятнах ржавчины, замазанных кое-где кое-как синей краской разных оттенков, ждала там, где я ее оставила – к счастью, в одиночестве. С колотящимся сердцем я как можно быстрее вставила ключ в замок и рывком распахнула дверцу. Швырнула одеяло на сиденье, стянула через голову торбу-кошель.

Громко взревел чужой двигатель, привлекая мое внимание. Вишневый, ультраспортивный «Феррари» вывернул из-за угла к моей парковке.

– Вот дерьмо, – выдохнула я, вцепившись в ремешок кошелька.

Спортивная машина остановилась прямо за моей «Хондой». К горлу подкатила кислятина. Хищник загнал меня в угол.

Дверца распахнулась, и из глубин машины выбрался незнакомец. Двигаясь плавно и уверенно, расправив широченные плечи, он целеустремленной походкой двинулся в обход своего автомобиля.

А я сделала то, что сделала бы любая разумная женщина. Запустила руку в сумку и выудила из нее маленький баллончик с перцовым газом.

Руку с баллончиком я опустила, прижав к ноге, чтобы мое оружие не слишком бросалось в глаза. Мужчина остановился передо мной и опустил взгляд. Воцарилась напряженная тишина. Дрожь сотрясала мое тело, колени подгибались. Я облизнула пересохшие губы. Он что, ждет, что я заговорю первой? Ну, я бы ввела мяч в игру – если бы это помогло мне понять, в какое дерьмо я вляпалась.

Вот только отлеплю язык от нёба…

– Могу я чем-то помочь? – спросила я как можно спокойнее.

– Это тебе следовало смотреть, куда ты идешь.

Ох, какой же приятный у него голос. Чего не скажешь о суровом взгляде с проблесками бешенства. Струйка пота побежала по моей спине, щекоча кожу.

– Да. Следовало. Правда. Но та подъездная дорожка – только для персонала. Ваша машина не соответствует требо-

ваниям. Я и не думала, что там кто-то появится.

Жалкое оправдание, но другого у меня не было.

Напряженность его взгляда усилилась. Между нами вновь повисло молчание. И мой язык опять прилип к нёбу.

– Тебе повезло, – процедил он наконец, и опасность, прозвучавшая в его голосе, пронзила меня навылет. – Будь это магическая зона, я убил бы тебя на месте. Но тебе, очевидно, известно…

Ох, черт. Он маг.

Мой мозг яростно заработал. Я кляла себя за то, что мало что знаю о магической иерархии. И в том и в другом сообществе найдется масса парней, водящих дорогущие машины, но лишь люди, стоящие на самой вершине вышеупомянутой иерархии, имеют право назначать наказание гражданским лицам.

– Верно, – поторопилась вставить я в погоне за личной выгодой, мысленно уже вычеркивая этот торговый комплекс из списка мест, которые я планирую посетить… когда-либо в будущем. – Я не в вашей юрисдикции. Я даже не живу в магической зоне. Ваши правила ко мне неприменимы. Здесь.

Взгляд его скользнул по моим губам и снова поднялся – так стремительно, что я усомнилась, не померещилось ли мне.

– Я чувствую в тебе магию, – обвиняюще проговорил он. – Если только ты тут не по каким-то особым причинам… это ниже твоего достоинства – обитать в подобном месте. – Сло-

ва его сочились презрением, и хотя он не повернулся, чтобы посмотреть на торговый комплекс, тон его возымел должный эффект. Взгляд мужчины лез мне в душу, ища что-то – понятия не имею, что именно. – Но ты права. Эта земля общая. Я не могу сделать с тобой то, что мне хотелось бы сделать.

Меня передернуло, и я незаметно сняла баллончик с предохранителя. Если парень чувствует магическую энергию, то он либо Сенсор, и я в относительной безопасности, либо у него самого *до хрена* силы. Стоящим у вершины власти убийство в буквальном смысле может сойти с рук. Значит, в запасе у меня есть только перцовый баллончик, стремительный рывок и свидетели.

– Но можешь быть уверена…

Мужчина шагнул вперед – так быстро, что я мгновенно запаниковала.

А, запаниковав, вскинула баллончик, прицелилась и нажала кнопку.

Он уклонился – нечеловечески стремительно. Двигался он плавно, точно скользил по маслу. Словно из ниоткуда возникла рука, чтобы выбить у меня баллончик – но остановилась, не коснувшись меня.

Потому что едкая струя не ударила из распылителя.

Холодная жижа, пузырясь, стекала по моим пальцам.

– Чертова Дейзи и ее паршивые связи, – пробормотала я, прежде чем сделать то единственное, что пришло мне в голову: швырнуть баллончик ему в лицо и оглядеться в поис-

ках помощи. Но, несмотря на наполовину заполненную парковку, рядом никого не было.

Ну что за невезуха!

Он небрежно отодвинул баллончик, и его сочные губы чуть дрогнули в улыбке. Мужчина медленно выпрямился, разглядывая мою руку.

– У тебя небольшая проблема, – сказал он, и я снова уловила слабый акцент, хотя какой именно, затруднилась бы определить.

Я собралась с духом, собираясь обратиться в бегство… только какой смысл? Он способен двигаться с такой скоростью, что я не успею даже оторвать ногу от земли, как его пальцы сомкнутся на моей шее. Драться тоже бесполезно. Ну, тренировалась я пару лет, занималась боевыми искусствами, да еще пару месяцев боксом, но у меня уже все суставы проржавели, а этот парень в такой форме, что я не справилась бы с ним и в свои лучшие дни. Он просто отодвинет меня – совсем как баллончик.

Пожалуйста, не тащи меня в магическую зону, чтобы наказать в назидание другим…

– Извините за попытку обрызгать вас, – выпалила я, стараясь, чтобы это прозвучало легко и уважительно – а вдруг удастся смягчить его эго? – Вы напугали меня. И еще извините за то, что я шагнула на дорогу перед вами в тот раз. Это мой косяк. У вас свои дела. Я никто. Я не должна была задерживать…

Грозовой, яростный взгляд впился в меня, и между бровями мужчины пролегла глубокая складка. Слова мои утонули в густой удушливой тишине. Желание убежать стало таким сильным, что я едва дышала.

Он резко развернулся.

Я подпрыгнула и ударила. Кулак рассек пустой воздух.

С сердцем, пытающимся вырваться из груди, задыхаясь, я недоуменно смотрела ему вслед.

Он уходил! Уходил, даже не оглянувшись. После того, как он преследовал меня по всему комплексу, после того, как фактически угрожал мне из-за того, что я встала на пути его машины, он попросту проигнорировал мою очевидную попытку нападения.

Кто из нас не в себе, он или я? Потому что в данном случае мозг мой что-то отказывался работать.

Он остановился у своей машины.

– Ты сказала, что покупаешь одеяло для больного ребенка?

Я приподняла брови, пытаясь переварить перемену темы.

– Да?

– Это правда? Голубое одеяло?

– Оно бирюзовое, – машинально поправила я.

– Почему это, а не другое?

От замешательства я никак не могла перестать моргать и оттого, наверное, казалась чертовски тупой.

– Послушайте, просто для ясности, шпионить за людьми,

принимающими жизненно важные решения, неприемлемо, находимся ли мы в зоне двойного сообщества или нет.

– Выбор одеяла – жизненно важное решение?

Страх за себя мгновенно улетучился. Теперь я думала только о Мордекае.

– Для ребенка – да. Безусловно.

Одна крупная рука мужчины легла на кромку автомобильной двери, другая – на крышу.

– Тогда почему ты не выбрала более… пушистое?

Я неуютно поежилась.

Обычно я без смущения признаю собственную вопиющую бедность. Я ведь даже пособия получить не могу. Не-магическое руководство отказывает мне, потому что формально я маг, а магистрату плевать на меня и мою ситуацию, потому что я бесполезна и не могущественна. Мой лагерь – на стыке двух незаинтересованных сообществ, моих скромных заработков хватает только на то, чтобы мы с моими двумя подопечными не оказались на улице. Я кручусь, как могу – ради благого дела. Так чего мне стыдиться?

Но… почему-то… мне не хотелось делиться своими будничными проблемами – всей этой бодягой – с этим парнем. Не хотелось, чтобы он проливал свет на мою жизнь и комментировал то, что видит. В кои-то веки мне не хотелось признавать, что я – не что иное, как собачье дерьмо, портящее важным людям ботинки.

Я вызывающе вздернула подбородок:

– Потому что он любит веселые цвета, и бирюзовое подходит по всем параметрам.

Проницательный взгляд мага – даже издалека – заставил меня поежиться. Но он, наконец, с невозмутимым видом кивнул, уселся в свою машину и захлопнул за собой дверь. Больше не оглядываясь, он завел двигатель – и авто рванулось вперед.

Дрожа всем телом, я смотрела, как «Феррари» возвращается на служебный проезд. Жижа из поддельного или просроченного баллончика высыхала на моих пальцах.

Он оторвался от своих дел, чтобы последовать за мной. Он признал, что не может убить меня прямо здесь, что означает, что сперва он все-таки думал об убийстве. И теперь он знает номер моей машины и легко может выяснить, где я живу.

Вопрос только – станет ли он выяснять? И если да, то что же такое во мне вызвало столь жесткую реакцию? Я – никто, а тут – Дикий Запад Сан-Франциско. Если он действительно такой уж важный тип, то мог бы просто переехать меня и продолжать движение. Но – остановиться, выследить меня, как добычу, а потом отпустить… не так ли кот играет с едой?

У меня не было никаких иллюзий относительно своего места в данной пищевой цепочке. И теперь он знает, как меня найти.

Глава 5
Алексис

– Как прошел день? – спросил Фрэнк, когда я вставляла ключ в замок своей входной двери. Редеющие волосы, зачесанные поперек, плохо скрывали его розоватую лысину. Поджатые губы Фрэнка с вечно опущенными уголками выглядели не более чем тонкой полоской; водянисто-голубые глаза обрамляла дряблая кожа.

Я привалилась к двери; настроения выслушивать пустую болтовню Фрэнка у меня определенно не было.

– На самом деле довольно хреново, – я вытерла со лба влагу. Вокруг нас клубился и кипел туман. Август – один из худших месяцев в Сан-Франциско. Валенс, Полубог, стоящий на вершине нашего магистрата, умеет управлять погодой, но абсолютно не заботится о двойных и не-магических зонах.

– Во время ленча какой-то богатый красавец преследовал меня по всему торговому комплексу…

– Звучит неплохо, – перебил меня Фрэнк. – Для такой симпатичной девушки, как ты? Богатый красавец – именно то, чего ты заслуживаешь.

Фрэнк совершенно утратил представление о том, как устроен мир.

– Ты, должно быть, пропустил слово «преследовал», но, конечно…

– Мы не называем это «преследованием», дорогуша, скорее уж – «проявил интерес». Тебе надо немножко изменить свое восприятие, вот и все.

А может, Фрэнк просто ненормальный.

– Что я говорила насчет того, чтобы называть меня «дорогуша», Фрэнк?

– Вот видишь, в этом-то и дело, – он погрозил мне корявым пальцем. – Ты слишком колючая. Тебе нужно немного расслабиться и смягчить требования, если ты надеешься когда-нибудь заполучить мужа.

Я рассмеялась, и проходящая мимо по тротуару женщина с коротко стриженными волосами бросила на меня настороженный взгляд.

Успокоившись, я вновь занялась анализом ситуации. Лучше всего не высовываться. Не-магическое правительство не может изгнать меня из этого района, потому что здесь зона двойного сообщества, а я, скорее, все-таки ближе к магам, но если все чеширы объединятся, то могут превратить мою жизнь в ад, и у меня просто не останется иного выхода, кроме как уйти. А такой вариант я позволить себе не могу.

Свои странности лучше держать в секрете.

– Муж – это последнее, чего я хочу, Фрэнк, – прошептала я, поворачивая ключ в замке. – Я и так уже забочусь о двоих, и третий мне не нужен.

– А. – Фрэнк кивнул, будто все вдруг обрело для него смысл. – Одна из тех феминисток, что сжигают лифчики? Тебе не нужен мужчина. Тебе хочется бунтовать. Понимаю.

– Неужели?

Я прислонилась к двери, улыбаясь. По неизвестной мне причине оторванность Фрэнка от жизни забавляла меня.

– Конечно, конечно. Женская свобода. Сжигание флагов. Позорище.

– Нет. Это совсем другое.

Он отмахнулся:

– Однажды, когда ты поймешь, что мир вокруг суров, ты придешь в себя и захочешь, чтобы мужчина заботился о тебе.

– Ну, если ты знаешь какого-нибудь богача, который и впрямь хочет заботиться обо мне, или хотя бы умеет пользоваться словами, а не наводить на меня жуть всепроникающими взглядами, пришли его ко мне, ладно?

– Возможно, ты упустила свой шанс. Ну, там, в торговом центре.

– Тот парень не хотел заботиться обо мне, Фрэнк. Он хотел напугать меня. Или… на самом деле теперь, когда я думаю об этом, я сомневаюсь, какова была его конечная цель. Но он определенно не собирался сделать мне предложение и забрать с собой, подальше от этой очаровательной жизни.

– Ну вот, все не так уж и плохо.

Фрэнк протянул руку, чтобы потрепать меня по подбородку.

– Прекрати. Никаких прикосновений, помнишь?

– Точно, точно. – На лице Фрэнка мелькнуло замешательство. – Никаких прикосновений, точно.

– Короче, – моя рука легла на дверную ручку. – Я опоздала на работу и босс вынес мне предупреждение. В следующий раз меня уволят.

Фрэнк пристально разглядывал собственные ботинки.

– Никаких прикосновений, нет… Где я?

Поморщившись, я повернула ручку. Ну вот, у Фрэнка опять началось. Теперь он отправится домой, чтобы побыть в одиночестве, где, к великому негодованию своих сожителей, примется передвигать что попало и открывать дверцы всех шкафов.

– Увидимся, Фрэнк, – кивнув ему, я проскользнула к себе.

Мордекай сидел на потертой тахте, завернувшись в свои разношерстные одеяла. При моем появлении он оторвался от книги и улыбнулся, демонстрируя ровные белые зубы, которыми я всегда гордилась. Я неустанно донимала его, заставляя поддерживать перламутровую белизну в отличной форме – с тех самых пор, как взвалила на себя эту ношу. На смуглом лице искрились счастьем светло-карие глаза, создавая воистину разительный контраст. Он будет настоящим красавчиком, когда коварное путешествие через пубертатный период наконец закончится.

Прежде чем закрыть книгу, он вложил между потрепанных страниц закладку.

– Какой у нас сегодня урок? – спросила я, бросая свою торбу на маленькую стойку у двери.

– Я читаю очень интересную книгу о деревьях. Ты знала, что они способны общаться друг с другом?

– Неужели? – Ключи звякнули, упав в вазочку возле сумки. – При помощи языка жестов, качая ветвями?

– Они общаются посредством грибков в почве.

Я сбросила туфли, оставив их у двери, в аккуратном рядке другой обуви, и прошла по облезлому ковру в крошечную кухоньку с обшарпанным линолеумом, главным украшением которой служил растрескавшийся разделочный стол со столешницей в цветочек.

– Так это правда? И что же они говорят друг другу?

Я услышала, как он крякнул, вставая. Потом его скелетообразная фигура ввалилась на кухню следом за мной. Вязаная шапочка прикрывала его кудри, выпадающие прямо-таки клочьями. Если бы я могла толком запастись антиметаморфозной сывороткой, телу его не пришлось бы постоянно бороться с магией оборотня, рыскающей в его генах.

Мордекай – редкий случай среди оборотней. В нем достаточно магии для превращения, но его человеческая часть воспринимает ее как вирус. Выброс магии, требующейся для метаморфоза, переключил бы его организм в режим защиты, повергнув парня в шок. Вот почему он никогда не трансформировался.

К счастью, у него достаточно сил, чтобы не оборачиваться

даже в полнолуние, но внутри него постоянно бушует война, истощая его энергию и провоцируя другие болезни. Оборотни способны исцеляться поразительно быстро в своей звериной форме – и отчасти в человеческой, но это свойство сейчас разве что поддерживало в мальчике жизнь. И ничуть не смягчало боли.

Вот тут и вступала в дело сыворотка.

Не столь сильные оборотни применяли ее, чтобы контролировать желание измениться в неподходящее время, особенно при полной луне. А в случае Мордекая сыворотка притупляла реакцию организма на магию, унимая внутреннюю борьбу и снимая боль. Не всю, но значительную ее часть.

К несчастью, лекарство было немыслимо дорогим, и, не имеющие магической страховки, мы частенько сидели без инъекций неделями, прежде чем мне удавалось заполучить новую дозу.

Раз я обратилась к стае оборотней, из которой он был родом, умоляя о помощи. С тем же успехом я могла бы просить умирающего от голода поделиться стейком. Нынешний альфа стаи просто не стал меня слушать. Он захватил власть после смерти отца и матери Мордекая, и, естественно, не хотел рисковать: а вдруг их ребенок вознесется и украдет его мантию.

Я объяснила, что прошу не о довольно опасной медицинской процедуре, которая полностью излечила бы Мордекая (это уж слишком), но лишь о непрерывных поставках ан-

тиметаморфозной сыворотки, которая поддерживала бы его здоровье (мечтай о малом). Бесполезно. Оказывается, непосредственное убийство ребенка не одобрялось, а вот позволить природе идти своим путем считалось вполне приемлемым.

Гребаные оборотни.

Потом я обратилась в офис местного Полубога.

Мне сказали, что это проблема оборотней и посоветовали пойти к ним. Я объяснила, что уже ходила, и мне ответили: «Что ж, похоже, его судьба предрешена».

Гребаные Полубоги.

И вот мы здесь. Забились в щель между двумя сообществами, просто пытаясь оставаться в живых.

Я натянуто улыбнулась, пытаясь спрятать страх и печаль, переполняющие меня.

– Значит, посредством грибков, да? Круть-жуть.

Он уселся за круглый столик, пристроившийся на границе между гостиной и кухней:

– Говоришь, как твоя матушка.

Я нахмурилась:

– Не зарывайся, чувак.

Его беззаботный смех согрел мою душу.

– Как прошел день? – спросил он.

– Нормально. – Ни к чему его волновать. Едва ли у него столь же регрессивный взгляд на преследования, как у Фрэнка, и он будет винить себя за то, что я опоздала на работу,

когда я покажу ему одеяло, а это испортит сюрприз. – А у тебя?

– Отлично. Прибрался немного в перерывах между уроками.

– Да. – Я окинула взглядом крошки, усеивающие желтоватую столешницу, а также груду грязных тарелок и прочих столовых приборов в раковине. – Я видела обувь.

– На большее меня не хватило.

Я кивнула. Острая боль пронзила сердце. Наверное, мне следовало просто отдать ему свое одеяло. В конце концов, в Сан-Франциско не так уж и холодно. Это не убило бы меня, зато тридцатку можно было бы отложить на лекарство.

Тридцать баксов – из четырехсот пятидесяти. Именно столько стоит сыворотка.

– Как тебе эта онлайн-школа? Лучше, чем прошлая? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно.

– Немного. Но все равно они малость тормозят.

– Или просто ты слишком сообразительный.

Он ухмыльнулся и пожал плечами.

– Значит, теперь вы изучаете деревья? – Я пошарила в холодильнике, выбирая то из еды, что вот-вот испортится. Не такой уж я великий кулинар – зато человек творческий. Дайте мне несколько продуктов и, какими бы странными они ни были, я сварганю из них ужин. Я училась у лучших и у меня была куча практики.

– Да. Сперва деревья, потом океан.

– А ты продолжаешь заниматься историей?

Он уперся локтями в стол, и улыбка его погасла:

– Я не отстаю, но…

– Ты должен продолжать.

– Почему? Она в основном касается чеширов.

– Не следует употреблять данное слово. Это невежливо.

– Ладно, неважно, но вся эта чушь в книгах – о них. Маги вышли на свет лишь сто лет назад, хотя существуем мы столько же, сколько и люди. Почему же я не могу почитать нашу историю?

– Можешь. И должен. Но тебе нужно знать и ту и другую, помнишь?

– В магических школах не преподают людскую историю…

– Еще как преподают.

– Только в старших классах, да и то самое необходимое.

– Потому что они – спесивые ушлепки. Тебе нужно досконально разбираться в нашем мире, Мордекай. А его понимание включает в себя и человеческую историю.

Он разочарованно вздохнул:

– Лааадно.

Возможно, он и самый милый ребенок на планете, но все-таки он подросток. Я лично уже не помню, как долго длится пубертат, но, очевидно, пятнадцать – еще не предел. Жаль.

– Что у нас на ужин? – спросил он, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула.

– Понятия не имею. Просто рассматриваю все эти вкус-

нейшие ингредиенты.

– Твоя гримаса говорит о том, что ты лжешь.

А то я не знаю. Я вообще не большой поклонник овощей, но половину из того, что лежало передо мной, я просто ненавидела. Того, кто вывел брюссельскую капусту, следовало бы расстрелять.

Но нищим выбирать не приходится. Уна из магазина «Все от природы», не-магическая обитательница нашей «щели», обустроившая себе вполне пристойную жизнь, любезно снабжает меня некоторыми продуктами и другими предметами первой необходимости. Это куда лучше, чем голодать.

– Нарезать что-нибудь? – Мордекай выпростал руки из-под одеяла, которым обмотал плечи.

– Да, – я вытащила из нижнего ящика несколько картошек. – Займись этим, ладно?

Передняя дверь хлопнула так, что задребезжали стекла.

– Этой скотине лучше вернуть мои деньги!

– Дейзи дома, – пробормотал Мордекай, потянувшись за овощечисткой.

– Господи. Что это с ней?

Я принесла разделочную доску, овощечистку и нож, и в этот момент мимо пронеслась крошка-Дейзи со сжатыми кулаками.

– Скотина, очевидно, должна ей денег, и она хочет их получить, – «объяснил» Мордекай.

Я сурово зыркнула на него:

– А ну-ка без брани.

– Ты сама все время бранишься.

– Это потому, что я взрослая грубиянка – и владелица крыши над твоей головой. Делай, как я говорю, не делай, как я. – Я выглянула из кухни в короткий коридор, ведущий к двум спальням. – Дейзи?

Дейзи вновь появилась в дверях их общей с Мордекаем комнаты – и шагнула ко мне с блокнотом в руках. Красные пятна покрывали ее фарфоровое кукольное личико. *На вид* она была милейшим ребенком – но являлась при этом весьма *яркой* личностью.

– Мне нужен твой телефон, Лекси. У меня все разряжено.

Она остановилась передо мной, требовательно протянув руку.

Я не шевельнулась, пристально глядя на нее.

Она театрально вздохнула:

– Что?

– Что ты хочешь сказать этим своим «что»?

Развивать тему я не стала. Она, как и Мордекай, пребывает в гормональном аду. В самом пекле. Четырнадцать конфликтовали в ней с пятьюдесятью, а те – с девятью. Она воевала с собственным телом и собственной женственностью. Не-маг, она оказалась втянута в систему еще малышкой, когда ее мать умерла от передозировки героина. Перескакивая из одной приемной семьи в другую с остановками в детских домах, она подвергалась унижениям и избиениям, ее игно-

рировали и о ней забывали – пока в десять лет она не сбежала.

Я наткнулась на нее, когда она предлагала себя бездомному парню, обитающему в коробке, в обмен на еду и место для ночлега. Ей было *десять*. Голод толкает человека на крайности.

Благодаря мне она все еще девственница. Так же благодаря мне в не-магической зоне она считается пропавшей без вести и, предположительно, погибшей. Она живет в щели между сообществами вместе с нами, потому что ей некуда больше податься. Если только она не хочет, чтобы ее вернули в систему до того, как ей исполнится восемнадцать.

А это – только через мой труп.

Итак, вот мы здесь. Безответственная я и два подростка, маг и не-маг, оба с проблемным прошлым. Могло быть и хуже.

– Ладно, вот как дело было, – Дейзи подбоченилась. – Я продала тому парню травку, так? И…

– Так, тут и остановись, – я вскинула руку. – Продавать наркотики – *нельзя*.

Она закатила глаза:

– Это была *не настоящая* травка. Эй? Думаешь, я настолько тупая?

– Ты и впрямь хочешь, чтобы я ответила?

Если бы я была стенкой, под ее взглядом с меня слезла бы вся краска.

– Это был просто пучок всяких сорняков. И, прежде чем ты спросишь, кокс на самом деле – мука.

– Нет.

Я схватила ее за руку и потащила в кухню.

– Эй, стой!

Она попыталась вырвать руку, но держала я крепко, и в итоге поставила ее перед судьей и присяжным.

– Расскажи-ка Мордекаю, чем ты занимаешься.

– Я слышал. Дом у нас не слишком большой.

Мордекай сосредоточенно водил овощечисткой по картофелине.

– Продолжая разговор, я скажу, что продажа поддельных наркотиков еще хуже продажи настоящих наркотиков.

Я подбоченилась.

Мордекай медленно кивнул, а Дейзи агрессивно скрестила руки на груди.

– Согласен, – паренек продолжал мерно чистить картошку.

– Сбыт поддельной дряни может привести к скверным последствиям – например, к сломанным костям или пробитой голове, – продолжила я.

– И это неправильно с точки зрения нравственности, – добавил Мордекай.

– Верно, – я кивнула ему. – С точки зрения нравственности. Вот веская причина не делать этого. *Плюс* – не забываем о пробитой голове.

Я уже говорила, что я безответственная. Справедливости ради замечу, что моя мать была ничем не лучше, но со мной-то в итоге все путем… с учетом обстоятельств.

– Так или иначе, тебе нужно остановиться, – я повернулась к Дейзи. – Тебе нельзя ввязываться ни во что противозаконное. Сама знаешь. Держись подальше от неприятностей.

Рот ее приоткрылся, а глаза расширились – как будто перед ней стояла самая слабоумная персона на свете.

– Денни должен мне двести баксов. С тем, что у нас уже есть, мы могли бы достать сыворотку Голлуму.

Мордекай закатил глаза, что проделывал крайне редко:

– Я не должен был разрешать ей смотреть «Властелина колец».

– Правда? Ты каким-то образом заведуешь фильмами, которые я смотрю, Саурон?

Дейзи вскинула подбородок, видимо, подчеркивая сарказм своих слов. Тело подростка умеет говорить весьма красноречиво.

– Погоди… что? – Меня очень легко отвлечь.

– «Морд-екай» начинается так же, как «Морд-ор», – сухо пояснил Мордекай, отодвигая от себя кожуру и придвигая к себе разделочную доску.

– Э, *неужели*? Посмотри, какой беспорядок ты устроил.

Дейзи шагнула к стойке, шлепнула на нее блокнот, схватила тряпку, смахнула со стола очистки в собственную ладонь и швырнула их в мусорное ведро.

– Не могу я сейчас стоять над раковиной, – парировал Мордекай, опускаясь – как ему часто приходилось делать – до уровня ее зрелости. А подняться потом, честно говоря, было трудновато. – Ты же видела, что со мной было. И очистки следует бросать в бачок для органических отходов.

– Все равно все окажется в земле…

– А что с тобой было? – я повернулась к Мордекаю.

– Он запутался в собственных ногах и шлепнулся носом вниз, – Дейзи снова цапнула свой блокнот. – Серьезно, Лекси, я все продумала. Денни – полный кретин. Он будет курить и думать, что это клево. Я бы сказала, что покурю вместе с ним, чтобы поддержать его кайф. Я решила, что… Перестань качать головой! Я решила, что буду делать что-нибудь странное – ну там хохотать как психованная, и у него останутся хорошие впечатления. Я бы даже поцеловала его. Это заняло бы его мысли – Лекси, серьезно, перестань качать головой! Это хороший план. Нашему парню нужна сыворотка. Его кашель сводит меня с ума.

– Трогательная речь, – однако сухой голос никак не вязался с мягким взглядом Мордекая. Проявлять слишком много сочувствия к Дейзи нельзя – как и ко мне, только по совершенно другим причинам. Там, где я разрыдаюсь и буду всеми силами стараться остановить поток слез из-за тревоги за детей, она просто оцепенеет, не в состоянии разобраться с эмоциями. У нее нет моего опыта. Жалости она навидалась вдоволь, и противостоять гневу умеет мастерски, а вот ис-

креннее сострадание ошеломит ее, заставив глупо моргать.

Все у нас наперекосяк.

– Нет, нет и нет, – я вновь покачала головой. – Твердое нет. Ты не будешь продавать поддельные наркотики – и, если уж на то пошло, и настоящие наркотики – кому бы то ни было, и, безусловно, не станешь предлагать никому сексуальные услуги. Я достану деньги. У меня есть план.

– Ты всегда говоришь, что у тебя есть план. Работать и экономить – это не план, – Дейзи зыркнула поверх блокнота. – Отлично. Я не стану продавать поддельный кокс. Все равно я не представляю, как бы это происходило. Но поддельная травка – дело верное. И это не сексуальные услуги, не гони. Он милый. Я бы своего добилась.

– Не будешь ты ничего добиваться. Ты еще слишком молода. Или нам нужно еще раз поговорить о сексе?

Лицо ее омрачилось:

– Я говорила, что поцеловала бы его. О сексе речи не шло.

– Ты плохо владеешь сексуальным жаргоном, – пробормотал Мордекай.

– Заткнись. Как будто ты владеешь.

– Ладно, ладно, – я вскинула руки. – Довольно. Дейзи, никаких подделок, никакого вымогательства денег за поцелуи. Имей хоть немного самоуважения.

– У меня куча самоуважения. А еще я чертовски хорошо целуюсь. И за это дерьмо следовало бы платить.

– Нет. Прекрати. – Я раздраженно уставилась на нее. – Ни-

каких ругательств. Никаких денег за поцелуи. Просто «нет» – и все. По всем направлениям. Я же сказала, что достану деньги.

Из горла Дейзи вырвался звук, очень похожий на рычание. Потом она шагнула к ящику со всяким барахлом, извлекла из него ручку и принялась яростно вычеркивать что-то в своем блокноте.

– Перестань топать, у меня от этого болит голова, – проворчал Мордекай.

– И еще… – Я подняла указательный палец. – Я твердо уверена, что вам, ребята, не стоит обсуждать всякую сексуальную чушь. Правильно? Вы еще слишком молоды.

– О Господи, ты совсем не разбираешься в воспитании, – вздохнула Дейзи.

– Да. Знаю. Вот почему вы двое должны мне помочь. Потому что – внимание, спойлер! – я на самом деле вам не родитель.

– Мы не дети, и мы видели слишком многое, чтобы теперь нас укрывать и отгораживать. – Мордекай всегда был голосом разума. – И не волнуйся, твоя мать, упокой Господи ее душу, была ничуть не лучше.

Именно моя мать приютила Мордекая, когда ему было пять. Пошла на местный рынок, чтобы украсть еду, а вместо этого спасла загибающегося от голода мальчишку. И пока она не умерла – шесть лет назад, от нераспознанной внутренней инфекции, – он жил в моей тесной комнатенке.

– Спасибо за попытку, – сказала я, возвращаясь к овощам, – но ей каким-то образом удавалось содержать трех приблудышей и собственную дочь на мизерную зарплату. А я едва могу прокормить вас, парочку неблагодарных.

– Кажется, ты забыла, что начала вкалывать, будучи не старше Дейзи. У нее было две мизерные зарплаты. – Мордекай грустно улыбнулся. – Но я скучаю по Джейн и Эдди. Интересно, чем они занимаются? Давненько мы о них ничего не слышали.

Джейн и Эдди, мои ровесники, оба достаточно взрослые, чтобы жить самостоятельно, ушли после кончины моей матери. Они тоже работали, но мать настояла на том, чтобы они копили свои деньги, чтобы у них был хороший старт, когда они упорхнут из курятника.

– У них у обоих семьи на Среднем Западе. Они при деле.

Я вымыла эту чертову брюссельскую капусту.

– А когда ты собираешься остепениться и завести семью? – поинтересовался Мордекай.

– Не волнуйся, Сэмуайз. Господин никогда не покинет нас. Никто на нее не позарится.

– Ну… я *могла бы* уйти, – проворчала я.

– Ладно, отлично, – Дейзи что-то чирикала в блокноте. – Отлично. Никаких продаж поддельной наркоты. Тогда я просто приму его предложение нелегально поработать в их семейной ветеринарной клинике. Неохота мне убирать собачьи какашки, но я, пожалуй, справлюсь.

Я застыла, охваченная виноватым возбуждением:

– В твоем возрасте рано работать.

– Дети моего возраста не работают, потому что обычно учатся в нормальной школе. А поскольку я не хожу в нормальную школу, потому что мое сообщество считает меня пропавшей без вести и, по-видимому, погибшей, а онлайн-уроками можно заниматься в любое время, я могу просто перенести учебу на вечер или ночь, когда не работаю. Мое общение ограничено. У меня есть время на все это дерьмо. Как и у вас, ребята.

Тут она права. Мордекай обречен на отшельничество из-за своего состояния, Дейзи – из-за своего положения, а у меня нет денег на то, чтобы куда-то выйти и с кем-то встретиться. Вершина моего «общения» – местный бар, набитый изгоями, владелец которого, мой бывший парень, который знает, насколько я бедна, и которому нравится помыкать мной, ставит мне выпивку. Его жалость отдавала прокисшим пивом. То, что я его бросила – самый умный поступок в моей жизни.

Дейзи швырнула блокнот на стол и схватила лежавший передо мной болгарский перец.

– Решено. Очень скоро мы избавимся от вынужденного вегетарианства.

– Не думаю, что это бомба, – раздался крик от входной двери. – Но на всякий случай стоит проявить осторожность.

Я охнула и привалилась к стойке. Чертов Фрэнк. Хоть бы он нашел себе какое-нибудь другое место, чтобы околачи-

ваться там постоянно.

– Выглядит довольно безобидно… – Голос Фрэнка звучал приглушенно, но я все равно слышала его сквозь стук ножей Мордекая и Дейзи. – Значит, в конце концов, для тебя все-таки есть надежда. Он бы тебе подошел. Сильный, решительный. Он будет хорошей парой для тебя, *если ты позволишь кому-нибудь позаботиться о себе*.

– Что с ним опять такое? – пробормотала я, борясь с желанием пойти к двери и проверить.

– Что? – не поняла Дейзи.

– Это Фрэнк? – Мордекай бросил нож рядом с нарезанным картофелем.

– Лучше тебе выйти и взять *это*, пока никто не стащил *это* с твоего крыльца. Я, конечно, присматриваю, но никогда не знаешь наверняка, – продолжал Фрэнк.

– Да, это Фрэнк, – сказала я.

– Фу, дрянь, – Дейзи покачала головой.

– Однако я не вижу никакой записки, – вопил Фрэнк, явно желая, чтобы его услышали. – Его привлекает роль тайного обожателя. Что ж, не стану портить ему сюрприз. Выхожу из игры, как говорят дети.

– Они так не говорят, – пробормотала я, проигрывая битву с любопытством и направляясь к двери.

– Что говорят? – переспросил Мордекай.

– Не подливай масла в огонь, – буркнула ему Дейзи.

Сделав несколько шагов, я увидела Фрэнка, торчащего на

крыльце спиной к дому и вертящего головой из стороны в сторону – он стоял на страже.

– Что за…

Слова застыли у меня на губах. Я оторопела.

Чуть в стороне, за побуревшим кустом, стоял открытый коричневый пакет с надписью на боку: «Все для дома». Внутри лежало то самое утяжеленное одеяло, на которое я облизывалась. То самое, которое было слишком дорогим для меня, чтобы всерьез думать о покупке.

Потрясающе красивый маньяк-психопат, преследовавший меня, купил одеяло для больного ребенка.

Слезы затуманили мое зрение, а благодарность растопила сердце.

Глава 6
Алексис

– Наверное, мне не следует принимать это, да? – тихо спросила я Фрэнка, не утирая бегущих по щекам слез. – В смысле, когда он потащился за мной, он же даже не знал о Мордекае. Может, он просто хотел запугать меня. Даже позже, когда он услышал об одеяле для больного ребенка, он говорил о наказании для меня. Это наводит на мысли об опасных намерениях. Не говоря уже о том, что богатые и могущественные совершают добрые поступки, только чтобы получить что-то взамен или ради списания налогов. – Я все-таки мазнула по лицу тыльной стороной ладони. – Ситуация в лучшем случае подозрительная. – Ну, он же разыскал мой дом! Перенес преследование на совершенно другой уровень! Это плохо, плохо, несмотря на одеяло.

– Это подарок женщине, – Фрэнк приподнял брови, словно объяснял что-то тупице.

– Да? И?

– Конечно, он кое-чего хочет. Подарки – первоначальный взнос за секс.

Я с силой провела рукой по лицу и сухо проговорила:

– Отлично. Прекрасная мысль. Только не думаю, что она

подходит для данного случая.

– Конечно, подходит. Почему бы и нет? Ты – красивая девушка. – Он почесал свою вечную белесую щетину. – Хотя могла бы и еще постараться. Немного косметики и расческа – для начала. Может, еще одежда, которая сидит…

– Да, Фрэнк. Спасибо. Я знаю, как выгляжу.

Я действительно знала. Жесткие светлые волосы, собранные в хвост, окруженный выбившимися, беспорядочно торчащими прядями. Спортивный топик, сплющивающий то, что бюстгальтер с мягкими чашечками вполне мог бы превратить в приятную округлость, сводя почти на нет мои и без того скудные изгибы. Брюки, доходящие лишь до лодыжек, потому что в магазине уцененных товаров не было штанов подходящей мне длины. За исключением хорошей кожи, почти не видевшей солнца (жизнь в вечном тумане может и так повлиять на человека), я терпела крах по всем стандартам красоты. Но я работала там, где меня тупо терпели, с людьми, которые редко разговаривали со мной, и ресурсы мои были ресурсами нищего. Я не пыталась ни на кого произвести впечатление, и никто не хотел, чтобы я производила впечатление на него. Причепуриваться не было никакого смысла, даже если бы у меня были на это силы. Или косметика, произведенная не в прошлом десятилетии.

Я разгладила мятую рубашку на животе, думая о точеном лице незнакомца, о его стильных джинсах, о том, как простая футболка облегает идеальное тело. Отчего-то надменность,

которую он носил, как плащ, не умаляла всей этой нереальной красоты, силы и атлетической грации.

Образ, от которого аж слюнки текут, портили злые, пронзительно-синие грозовые глаза. От его пристального твердокаменного взгляда меня пробирал озноб.

Он смотрел на меня, как хищник на добычу. Я и чувствовала себя добычей – и вовсе не в сексуальном смысле. Он был опасен, и если играл сейчас со мной в кошки-мышки, то одеяло – приманка. Возможно, он надеется, что я ослаблю бдительность.

– Все в порядке?

При звуке голоса Мордекая я аж подпрыгнула, обернулась, стараясь контролировать выражение лица, и автоматически буркнула:

– Угу.

Он медленно вышел из кухни, кутаясь в потрепанное одеяло. Каждый шаг сотрясал его тощее тело так, как не трясет ни одного здорового оборотня даже в предсмертных корчах.

Ему было больно, и, могу поспорить, холод уже глубоко въелся в его бедные кости.

Отчаяние охватило меня. Может, одеяло и было ловушкой, но в такую ловушку я попадусь с радостью, если это поможет Мордекаю.

– На, возьми! Я выиграла самое потрясающее одеяло в мире. Прикинь-ка!

Больше не раздумывая, я развернулась и схватила пакет.

Возможно, это была плохая идея, но если она подарит парню в его дерьмовом, пронизанном болью существовании теплую ночь, то я справлюсь с последствиями.

– Среди одеял оно – как «Роллс-Ройс» среди автомобилей. Хотела устроить сюрприз, но, раз уж ты все испортил… Вот.

Я сунула ему пакет.

– Что? – медленно произнес он в явном замешательстве. Что ж, я умею сбивать людей с толку.

– Ты не должна врать…

Я захлопнула дверь перед Фрэнком, отсекая его слова – и надеясь заодно, что до него дойдет намек и он отвалит.

– Что происходит? – Дейзи выглянула из-за угла, увидела, что входная дверь закрыта, и шагнула в коридор. – Ты что-то сказала о «Роллс-Ройсах»?

Мордекай с трудом извлек одеяло из пакета – и нахмурился, взвешивая в руках сверток.

– Что? – Дейзи придвинулась ближе. – Что это такое? Ого, ничего себе… а какое мягкое, Господи! – Выпучив глаза, она уставилась на меня. – Ты его украла?

– Нет! Я же сказала, что *выиграла*!

Она одарила меня презрительным взглядом:

– Мы все знаем, что ты – самый невезучий человек на планете. Ты бы не выиграла его, даже если бы мошенничала. Так как ты его добыла?

Я вздохнула и двинулась обратно на кухню.

– Ладно. Можете мне не верить. Хотя оно потрясающее.

Утяжеленное одеяло, для… ну… терапевтического эффекта. И супермягкое. Тебе оно понравится.

– Где ты его достала на самом деле? – Мордекай осторожно запихнул одеяло обратно в пакет и отступил на шаг.

– Честно, Мордекай, я его не украла. И не купила. Мы можешь расслабиться, поскольку я не тратила на тебя денег. – Я ткнула ножом в сторону свертка. – Бери, полезная штука.

– Я согласна с Вигго…

– Вигго – актер, – с болью в голосе заметил Мордекай. – Персонаж – Арагорн.

– Ладно, ладно. Я согласна с благородным Арагорном. Ты явно нашла эту сумку на крыльце, ведешь себя подозрительно, и факты не сходятся. Где ты взяла одеяло? Ты же знаешь, что не можешь себе позволить попасться на воровстве. На третий раз ты останешься в тюряге.

А я, честно скажу, не собираюсь управляться со всей этой дрянью в одиночку. Хотя тогда я могла бы впарить фальшак тому горячему придурку…

И почему в моей жизни все так непросто?

– Ну хорошо!

Я сдалась. Я всегда сдаюсь. Готовя ужин, я рассказала о том, что случилось в торговом центре, включая и находку сумочки «Берберри», потому что знала, что эта парочка порадуется за меня. К тому моменту, как мы уселись за стол и принялись за еду, я рассказала все.

– Верни его, – тут же заявил Мордекай. – Мне нравится

бирюзовое. Все равно я предпочел бы то одеяло. И ты знаешь, что я ненавижу сюрпризы, так что так будет лучше.

– Знаю. Поэтому мне и нравится тебе их устраивать. – Я вздохнула. – Итак, один голос за возврат. – Я отправила в рот ложку овощного месива. Выглядело варево не очень, но на вкус оказалось вполне съедобным. – Я – за то, чтобы оставить. В смысле, он действительно спрашивал о больном ребенке. И, очевидно, хотел, чтобы его добрая воля послужила благому делу.

– А что будет, когда он узнает, что на самом деле я не ребенок? – спросил Мордекай.

Я перестала жевать. Об этом я не подумала.

– Ребенок, подросток, какая разница, – я отмахнулась от неприятной мысли. – И он не узнает. Я не собираюсь встречаться с ним и никогда больше не увижу этого парня, – я пожала плечами, почти твердо надеясь, что это правда. Лишь крохотная частица меня задержалась на воспоминании о крепком теле незнакомца, о его великолепном лице – и напряженном бешеном взгляде. Та самая часть меня, что вечно находила всяких козлов и влюблялась в плохих парней. Эту часть я старалась придушить всякий раз, когда она поднимала свою уродливую голову. – Дейзи? Что скажешь? Несомненно, мы должны оставить это одеяло, правильно? Оно понадобится Мордекаю, пока мы будем бороться за недостающие баксы.

– Да, но… – Она ткнула вилкой в картофелину. – Морде-

каю нужен и опекун, а тот парень *преследовал* тебя, Лекси.

– Он *последовал* за мной, – возразила я. – И для этого у него была веская причина.

– Сказать кому-то, чтобы он смотрел, куда идет, после того, как едва не сбил человека – веская причина бросить все и погнаться за пострадавшим? – скептически спросил Мордекай.

Мое дело разваливалось.

Дейзи покачала головой:

– Преследование – это *не* сексуально, Алексис, каким бы горячим ни казался тебе преследователь. Оно говорит о неуравновешенности, о властной личности, о деспоте, который будет манипулировать объектом желания, чтобы изолировать его и поставить в зависимость, подчинить себе. Объект теряет себя и, по сути, становится собственностью.

Это дала знать о себе пятидесятилетняя сторона Дейзи. Когда ей было нужно, она умела высказываться чрезвычайно хладнокровно – как врач. Кроме того, она видела подобное собственными глазами в одной из своих многочисленных приемных семей.

– Думаю, все мы понимаем, что я никогда не попаду в зависимость и не подчинюсь, – сказала я, глядя на детей. И оба они кивнули, пускай и неохотно. – Кроме того, ситуация совершенно другая. У меня нет ничего, чего бы он мог хотеть. Он даже не оставил записки, с помощью которой можно было бы манипулировать мной. Я могу изобразить неведение.

Серьезно, чуваки, он просто подарил больному ребенку одеяло. В море богатого дерьма нашлась-таки жемчужина.

– Богатые парни смотрят на таких, как мы, свысока, – с беспокойством пробормотал Мордекай.

– Ей это известно, – Дейзи гоняла еду по тарелке. – Она явно толкает фуфло – посмотри только на ее бегающие глазки.

– Никакой ругани, пока тебе не стукнет восемнадцать! Или… пока… – я ухватилась за мысль, припомнив то, что всегда говорила мне моя мать. – Или пока ты под моей крышей!

В награду мне досталось очередное закатывание глаз.

– Ты же сама видишь, что вся эта история очень странная, Лекси, – сказал Мордекай. – Я никогда не слышал, чтобы кто-либо из магов так поступал. Ты вообще уверена? В смысле – в том, что он маг?

– Определенно. Ни один человек не способен двигаться так быстро.

– И ты считаешь, что он действительно важный тип, а не какой-то там прыщ на ровном месте с раздутым эго?

Я задумалась, перебирая факты.

– Не уверена, нет. Он говорил как человек, наделенный властью, и у него явно куча денег, потому что он ездит на «Феррари», но я действительно не знаю его положения в магическом сообществе. Да и есть ли у него это положение.

– Он мог угнать машину, – предположила Дейзи.

– Угонщики не катаются на очевидно украденных машинах по торговым центрам, – возразил Мордекай.

– Ты что, тупой? Это был торговый *комплекс*, идиот, – фыркнула Дейзи.

– Дейзи, не обзывай брата идиотом, – автоматически сделала я ей замечание.

– Он мне не брат.

– Значит, не обзывай идиотом соседа по комнате, – Я потерла виски. – Независимо от того, наделен он властью или нет, что ему может быть от меня нужно?

– Ну… Ты была права в разговоре с Фрэнком, – Дейзи пристально разглядывала меня. – Выглядишь ты так, словно только что вылезла из постели, так что объектом желания вряд ли являешься. Хотя – у многих людей сомнительный вкус. Он может пытаться умаслить тебя, чтобы ты подпустила его ближе, и тогда он покажет свою садистскую сторону – ту, которую не может показать тем, кто ему ровня, иначе они будут плохо о нем думать…

– Он уже показал ей свою садистскую сторону. Преследуя ее, – Мордекай бросил на меня тревожный взгляд. – Я действительно считаю, что мы не должны принимать подарки от садистов.

– Согласна, – Дейзи решительно кивнула. – Голосую против. Тебе нужно вернуть одеяло. В обычной ситуации я бы сказала, чтобы ты швырнула тряпку ему в лицо и назвала его психованным сукиным сыном, но в данном случае… может,

просто следует положить одеяло к его ногам и тикать во все лопатки.

– Да. Конечно. Только вот я не знаю, кто он, где он живет или где тусуется, – я подняла руки и одарила детишек обаятельной улыбкой. – Так что – видите? Придется нам оставить одеяло.

– Оставь его в пакете – до тех пор, пока не встретишься с парнем снова, – Дейзи, жующая раздавленную картофелину (пюре у нас было без молока – люди обычно не раздают даром молочные продукты), говорила с набитым ртом: – А ты с ним еще встретишься, потому что он – маньяк-преследователь.

– А когда ты с ним встретишься, – добавил Мордекай, – скажи, что я благодарю…

– Вот уж чего не сделаю того не сделаю, – решительно отрезала я.

– Ха! – Дейзи ткнула в мою сторону вилкой. – Видишь? Ты не хочешь упоминать Мордекая, потому что пытаешься защитить его. Значит, ты понимаешь, что это незаконно, но все равно готова принять условия. – Она покачала головой. – Теперь однозначно – нет. Скажи этому ублюдку, чтобы засунул свой подарочек-приманку туда, где не светит солнце. Дураков нет.

– Моим постановлением в этом доме больше нет демократии. Только диктатура. – Я зачерпнула рагу. – Единственное право голоса – у меня.

– Поблагодари его, – внес поправку Мордекай, – но скажи, что не можешь принять такой дорогой подарок. Потом спроси, как нам вернуть ему одеяло. Или, еще лучше, просто запиши номер его машины, и мы найдем его так же, как он нашел тебя.

– Это нехорошо, что у него есть наш адрес, – пробормотала Дейзи.

– Согласен, – кивнул Мордекай.

Я тоже была согласна с ними обоими, но промолчала. Не сказала я также, что чувствую немалое облегчение от того, что мне не придется принимать одеяло. Не знаю, какую игру затеял этот незнакомец, но парни вроде него не бросают подачки, не имея на то каких-нибудь скрытых мотивов.

Интересно только, какое отношение эти скрытые мотивы имеют ко мне.

Глава 7
Киран

– Что там у вас для меня? – спросил Киран, выходя из машины – и сразу наступив в мутно-коричневую жижу, струящуюся по обочине переулка, тянущегося позади нескольких процветающих предприятий. Вдоль другой обочины застыли громадные мусорные контейнеры, в большинстве своем переполненные. В дальнем конце проулка по оживленной улице проносились машины, превращенные предзакатным светом в тусклые размытые пятна.

Он взглянул на свою машину, которой и было-то всего несколько месяцев «от роду». Как же неприятно оставлять ее в таких вот скверно освещенных, неохраняемых углах, как этот закоулок в деловом центре магического Сан-Франциско, но привлекать внимание к своему местонахождению ему совершенно не улыбалось.

Его Шестерка ждала в стороне, выстроившись в шахматном порядке. Суровые, закаленные бойцы, каждый из которых обладал чем-то своим, мощным и уникальным, эти парни пожертвовали своими жизнями, чтобы служить Полубогу – ему. Свою преданность они доказали, принеся клятву крови – и получили за это прибавку сил и определенные усовер-

шенствования навыков. Они были его глазами и ушами там, где он не мог присутствовать лично.

Вперед выступил Зорн; среднего роста, крепкого телосложения, он был самым жестоким бойцом из всех, кого когда-либо видел Киран, и ближе кого бы то ни было находился к тому, чтобы считаться его другом – насколько Киран вообще мог это позволить. Зорн был первым из Шестерки; он стоял бы на стороне Кирана даже без присущих этому положению льгот.

– Она никто, сэр, – сказал Зорн, протягивая папку. – Очень мало силы, почти никакого таланта и вопиющая бедность. Ничего помимо того, что вы уже раскопали.

Киран нахмурился, открыл папку и принялся водить пальцем по строчкам отчета. Действительно, та же самая информация, которую он видел в базе данных, без труда извлеченная и просмотренная в результате поиска по номерному знаку машины. Все детали на своем месте, ни одна не выбивается из ряда.

Он вновь посмотрел на фотографию, сверил имя и адрес, потом покачал головой:

– Не может быть.

Захлопнув папку, Киран сделал несколько шагов к ближайшему мусорному контейнеру – и швырнул в него отчет. Отчет, в котором не было того, что он искал.

– В ней огромная мощь, – произнес он, сравнивая свои воспоминания с прочитанными сведениями. – Тянет на выс-

ший пятый уровень.

– Вы никогда прежде не ошибались в оценке силы, сэр, – проговорил Джек, высокий здоровяк, лучше всего чувствующий себя в глубоких водах.

– Однако в досье указана слабенькая двойка, – Донован скрестил на груди руки; его короткие сальные светлые волосы торчали во все стороны. – Слабый второй уровень все-таки несколько отличается от сильного пятого. Известно, что оценки магов иногда бывают ошибочны, но не настолько же.

– Вы сказали, что она соответствовала роли, которую играла, сэр.

Зорн явно напоминал Кирану их предыдущий разговор. Расставшись с женщиной, Киран припарковался за рядом захудалых магазинчиков обшарпанного торгового комплекса и просто просидел минут десять, размышляя. Пытаясь разобраться с тем, с чем он только что столкнулся. С ощущением по-прежнему бурлящей в его крови, будоража чувства, магии этой женщины. Уникальное чувство. Неповторимое. Бодрящее. В конце концов он собрался и встретился-таки со своими людьми, но попросил их разыскать больше информации *о ней*.

Он тряхнул головой, выкидывая из мыслей лишнее, обдумывая то, что видел, и пытаясь извлечь смысл из отчета.

– Она определенно бедна, – сказал он, вспоминая, как она выглядела. – Шпион или наемный убийца могли бы носить плохо сидящую дешевую одежду, но и обувь этой женщины

была изношена запредельно. Туфли буквально *облепляли* ее ноги. Такой вид способно придать только время.

– Что не понадобилось бы высококвалифицированному наемнику, профессиональному убийце, чья сила способна вызвать удивление, – заметил Зорн. Что ж, он знал, что говорит. Он и сам был таким убийцей, когда это требовалось Кирану.

– Ее дом зарегистрирован на нее с тех пор, как умерла ее мать, а на ее мать он был зарегистрирован почти с рождения Алексис, – сказал Киран. – Она прожила там всю свою жизнь. Так, по крайней мере, следует из записей.

– Человек, обладающий подобной мощью, никогда не был бы предоставлен сам себе, – сказал Тан, почесывая сквозь густую каштановую бороду подбородок. – По крайней мере не в зоне двойного сообщества. Ваш отец захотел бы проследить за ней.

– Но по бумагам у нее совсем мало силы, – напомнил Джек.

– В этом-то и загвоздка, – пробормотал Киран.

– Вы сказали, она не осознавала, что вы проследили за ней до магазина бытовых товаров, – Зорн нахмурился. – Любой хоть сколько-нибудь обученный почуял бы это.

– Легко. – Киран вспоминал, какой густой шлейф магии тянулся за этой Алексис – точно волшебная пыльца фей; женщина словно бросала ему вызов, подначивая последовать за ней. Он почувствовал ловушку, но, зная, что в состоянии

отразить атаку, решил посмотреть, что будет дальше, что она сделает. И ответ привел его в крайнее замешательство. Ничего. Она не сделала абсолютно ничего. Она заметила его только тогда, когда он сам показался ей на глаза. – Такого рода неведение невозможно подделать. Кто-кто, а я бы различил.

– Значит… ее не обучали, – уверенно сказал Зорн.

– Исключено, – ответил Киран. – Насчет нее подтверждается все, кроме уровня силы… и ее магии.

– Так что там, вы говорите, делает ее магия? – спросил Донован.

Киран чиркнул большим пальцем по своей груди, сверху вниз. Потом, сжав кулаки, изобразил, будто раздвигает половинки.

– Мне показалось, что она влезла в самое мое нутро и вцепилась в жизненные центры. Я познал миг абсолютной первобытной уязвимости. Но прежде, чем я успел ей ответить, она отстранилась. – Он переступил с ноги на ногу, вспоминая, как она это сделала – и как потом, достав баллончик, сделала то же самое снова. – Похоже, она не осознавала, что творит. Когда она поняла, что перцовый баллончик не сработал, то стала вести себя, как легкая добыча, смиренно ожидающая своей судьбы. Она боялась меня; я это чувствовал. – Он покачал головой. – Человек, обладающий такой магией, вообще не должен ничего бояться. Не знаю, что это была за магия, но она *поражает*.

– В ее досье сказано, что она – Говорящая с Призраками, – сообщил Зорн.

Киран фыркнул и двинулся к выходу из проулка:

– Она *не* Говорящая с Призраками. Я навидался их вдоволь. – И собирался повидаться с еще одной. Все что угодно, лишь бы помочь матери. Потеря вонзилась в сердце, лишив Кирана дыхания. – Тем не менее я сравню ее с женщиной, с которой планирую встретиться. Эта Говорящая с Призраками считается лучшей в городе. Но сомневаюсь, что она даст мне больше, чем кто-либо другой. – Он глубоко вдохнул, пытаясь вернуть самообладание. – Добились ли мы какого-нибудь прогресса в отцовском офисе?

Вся Шестерка содрогнулась от ярости. Кровная связь давала Кирану возможность смутно почувствовать их волнение и гнев. Та женщина – второстепенный курьез, а вот планы по свержению его отца требовали предельной сосредоточенности. Сосредоточенности… и отваги.

Теперь заговорил Генри:

– Я наладил контакт со второй секретаршей Валенса, а также с его постельной грелкой. И та и другая более чем счастливы выдать его секреты…

– Пока они получают что-то взамен, – ухмыльнулся Джек.

– Естественно, – с улыбкой ответил Генри. Он еще не встречал женщины, которая не кричала бы в его объятиях – так, по крайней мере, он утверждал. Несомненно, он очаровал и «постельную грелку». – Валенс не из болтливых, но

через телок я получу представление о его передвижениях и планах.

– Я работаю с сотрудниками службы безопасности, – сказал Зорн. – Большинство из них недовольны. Их можно купить, но только делать это придется через третьих лиц.

– У меня все дни напролет третьи лица, – хихикнул Донован. – Все дни напролет. У меня есть список организаций, чьими услугами Валенс пользуется постоянно. Все остальные – легкая добыча. Они неразборчивы. Я также прокладываю себе путь через магистрат, общаясь и заводя друзей.

Киран обогнул угол и вышел на людный тротуар. Уличные фонари струили желтое сияние, кажущееся лишь чуть-чуть светлее пронизанного розовыми и оранжевыми прожилками облаков неба. В сердце магической половины Сан-Франциско прогуливались маги. Большинство ничем не отличались от своих не-магических собратьев, но некоторые привлекали внимание бледно-зеленой кожей или трепетом густо оперенных крыльев. Из шикарных ресторанов доносились восхитительные запахи, а уличные торговцы зазывали туристов полюбоваться своими товарами.

– Сколько времени у нас есть? – тихо спросил Киран. Все внутри него вибрировало в предвкушении того, что должно произойти.

– Люди Валенса возобновят слежку за вами примерно через час, – ответил Зорн, не сверяясь с расписанием. Он сам взял на себя контроль над попытками Валенса следить за сы-

ном. У драгоценного папаши проблемы с доверием. – При необходимости придется сократить встречу.

– И мы абсолютно уверены, что эта Говорящая с Призраками никак не связана с моим отцом? – Киран уже увидел вывеску, которую искал. «Ясновидение Ясны». И, маленькими буквами чуть ниже имени: *«Мы ясно видим в запредельном»*.

– Безусловно, – заверил Донован. – Она никогда не общалась ни с кем из тех, кто напрямую подчиняется ему.

Киран кивнул, зная, что отец неодобрительно относится ко многому из того, что передал Аид миру – в том числе и к ясновидению. Будучи потомком Посейдона, отец близко к сердцу принимал старое соперничество братьев-Олимпийцев.

Киран окинул взглядом недавно побеленный фасад, украшенный экстравагантными золочеными завитками. Угловое расположение на одной из самых оживленных туристических улиц магического Сан-Франциско должно стоить весьма дорого. Эта женщина, очевидно, запрашивала большую цену, но клиентуру не растеряла. Одно это уже означает, что она должна быть хороша в своем деле.

Но он и раньше бывал одурачен подобными вещами. Множество раз.

Зорн остановился у двери, огляделся – и распахнул ее настежь. Донован и Джек вошли первыми, остальная Шестерка замерла, дожидаясь, когда пройдет Киран.

Он глубоко вздохнул, чувствуя знакомую тяжесть потери и боль от ухода матери. Он отчасти знал, что услышит – и боялся этого.

– Нужно с этим покончить, – пробормотал он, перешагнул порог и оказался в тускло освещенном вестибюле, наполненном тихой музыкой и слабым, щекочущим нос ароматом благовоний. Стены здесь были задрапированы серым шелком. Стоял окруженный стульями низкий стеклянный столик. По бетонному полу к стойке регистрации вишневого дерева тянулся роскошный восточный ковер.

Когда женщина за стойкой увидела гостя, глаза ее вспыхнули, а губы растянула взволнованная улыбка.

– Она не узнала меня, – проговорил Киран, полуобернувшись к Зорну. Как же это он не сообразил раньше. – Алексис. Не выказала ни малейших признаков узнавания.

– Добро пожаловать, Полубог Киран, – произнесла зарумянившаяся женщина за стойкой, поправляя волосы. – Счастлива видеть вас. Ясна, конечно, примет вас лично, она ждет в комнате три.

– Она вела себя и говорила со мной так, как вела и говорила бы с любым другим, – Киран без слов отвернулся от женщины. Обычно он каждого одаривал мимолетной вежливостью, чего от него недвусмысленно требовала мать и с чем мирился отец, но сейчас его мозг яростно работал, вставляя на место очередной кусочек новой любимой головоломки. – Большинство людей как минимум слышали обо мне, даже

если они и не знают меня в лицо.

– А вы ей назвались? – тихо спросил Донован, когда они прошли сквозь занавесь из нанизанных на нити стеклянных бусин.

– Нет…

Киран заметил дверь, в которую должен был войти. Тройка – цифра, излюбленная мистиками, но это не вселяло в него особых надежд. Кажется, такие вещи никогда не помогают им выполнять свою работу.

– Если так, значит, она не из тех, кто следит за текущими событиями, – голос Донована тоже звучал приглушенно. Он то и дело напряженно озирался, прищурившись. Мысль о духах, задержавшихся в мире живых, ему не нравилась. Как и никому из парней.

– Но не знать сына правящего в Сан-Франциско Полубога? – Киран остановился перед закрытой дверью третьей комнаты.

– Даже если она и знала, но не видела фотографий, то почему должна была предположить, что это вы? – спросил Джек.

– Думаю, это доказывает, что она основательно укоренилась в зоне двойного сообщества, как и следует из досье, – сказал Донован. – Люди селятся там не просто так, и, если они не преступники, скрывающиеся от магистрата, у них нет причин знать то, что происходит в том или другом сообществе. Политика их редко затрагивает.

Киран кивнул. Абсолютно точно. Ответ верен и соответствует условиям ее проживания.

Но ее магия и уровень ее силы выходят из ряда вон. Такие, как она, не должны проскальзывать в щели, и обычно этого не происходит.

Так что все это – опасно таинственно.

Глава 8
Киран

– Время уходит, – напомнил Зорн.

Не тяни, другими словами.

Киран повернул ручку, толкнул дверь и вошел в комнату, борясь с унынием, которое обрушивалось на него всякий раз, когда он позволял себе думать о долгой болезни матери.

На сей раз он вспомнил еще и Алексис, размышляющую вслух о цене одеяла.

Если и было что-то, способное поставить Кирана на колени, так это воспоминание об огромных грустных глазах детей в больнице Голуэя. Вид их страданий, их крошечных хрупких тел останется с ним навеки.

Он стиснул зубы, борясь с болью.

Он мало что мог сделать для них или их родителей, боясь вызвать недовольство местного руководства. Мало что. Почти ничего. Он верил в карму; его сосуд, наверное, практически пуст.

Самое меньшее, что он мог сделать, это купить хорошее теплое одеяло для больного ребенка, даже если этот «ребенок» на самом деле подросток. Так, по крайней мере, указано в досье. Парню сейчас пятнадцать, и он страдает неизле-

чимой болезнью, поражающей один процент магов. Очевидно, с Алексис живет также девочка-подросток, не-маг. Он не смог это проверить, но в этом и не было необходимости. Он видел страх и печаль на лице Алексис, когда она упомянула о ребенке. Точно такой же взгляд он видел в зеркале на протяжении тех лет, когда его мать угасала у него на глазах.

Он готов был пойти на все, лишь бы избавиться от этих воспоминаний.

– Полубог Киран, как мило с вашей стороны навестить…

Низкий хрипловатый голос вывел Кирана из задумчивости. Он не успел даже указать Зорну на нестыковку: магистрат знал о подопечных Алексис, но не о ее мощной опасной магии. Что-то все еще не складывалось…

– Полубог Киран.

Киран обнаружил, что стоит перед женщиной средних лет, сидящей по ту сторону прямоугольного стола. Локтями она упиралась в столешницу. На негусто иссеченном морщинами лице играла улыбка.

– Да, – сказал он и сделал два шага к пустому кожаному креслу перед ней.

– Приветствую вас. – Улыбка ее расширилась, глаза заблестели. – Я Ясна. Садитесь, пожалуйста.

Парни покинули комнату, хотя Зорн, прежде чем прикрыть дверь, смерил Кирана критическим взглядом.

Он остался наедине с ясновидящей… и, возможно, со своей матерью.

Киран сглотнул, и в тишине комнаты это прозвучало очень громко.

– Итак, давайте уточним, – Ясна повела рукой, коснувшись колоды карт Таро, лежащей справа от нее. Слева застыли колокольчики, на каждом из которых было что-то начертано. По обе стороны стола горели свечи разных цветов и размеров, источая различные запахи. – Вы узнали о том, что ваша мать задержалась в этом мире, от Оракула?

– От Говорящей с Призраками, такой же, как ты. Ее услуги были подарком. Мимолетной забавой.

– Но она услышала голос вашей матери.

Знакомая тяжесть сдавила грудь. Хотя он и просил Зорна ввести ясновидящую в курс дела перед тем, как назначать встречу, речь незнакомки о чем-то настолько личном потрясла и взволновала его. Надо взять себя в руки, чтобы ненароком не сорваться.

– Да.

Ясна отодвинула карты, протянула другую руку – и двумя пальцами коснулась второго в ряду колокольчика.

– Вы верите, что она застряла в этом мире?

– Так мне сказали, да.

Да, сказали – несколько Говорящих с Призраками плюс один Некромант, ощутивший ее, но не сумевший вызвать ее дух.

Ясна, нахмурившись, дотронулась до третьего колокольчика.

– Гммм, – взгляд ее расплывался. – И вы хотите помочь ей перейти Черту?

– Да, – волна печали грозила затянуть его в пучину. С трудом он вырвался на поверхность, ощутив странное покалывание в плечах и животе. – Я хочу, чтобы она обрела наконец покой.

– Да, понимаю.

Ясна выбрала последний, четвертый колокольчик. Звон разнесся по комнате, и от этого звона мурашки побежали по спине Кирана. А ясновидящая поставила колокольчик на место и взяла первый. На этот раз она осторожно раскачивала его из стороны в сторону, и звенел он тоньше и медленнее.

Киран пытался сбросить с себя оцепенение. Пытался придушить надежду на то, что эта женщина, в отличие от всех остальных, найдет ответы. Что она сможет помочь его матери обрести покой раз и навсегда.

– Посмотрим…

Плавным, театральным движением Ясна взяла карты Таро, привычно перетасовала их и разложила крестом.

– Итак…

Она читала карты одну за другой, неразборчиво бормоча что-то себе под нос, задавая Кирану какие-то вопросы, часто умолкая, наклонив голову и прислушиваясь. И вдруг застыла, прекратив представление.

– Она здесь, – заявила Ясна, подняв указательный палец. – Она… говорит… – голос ее стал ниже, слова звучали совсем

по-другому. – Живи… счастливо…

Сердце Кирана остановилось. Доселе лишь одна из медиумов сумела воспроизвести тон и манеру речи его матери – первая, с кем он встречался. Ее имитация убедила его. А теперь двух простых слов оказалось достаточно, чтобы подтвердить, что мать действительно застряла в мире живых и, более того, что она сейчас тут, в этой комнате, рядом с ним.

– Иди… жизнь… место… – Ясна раскачивалась из стороны в сторону, слегка поматывая головой. – Она хочет, чтобы вы спокойно жили своей жизнью. Она счастлива здесь. Она хочет, чтобы и вы были счастливы.

Киран подался вперед, упираясь локтями в колени:

– Ты уверена? Потому что первая Говорящая с Призраками…

Ясна вскинула руку:

– Найди… место… – вот, опять *место* – жизнь… мир… – Она продолжала покачиваться. – Гммм. Я чувствую… чувствую… – Женщина трижды встряхнула колокольчик, наполнив комнату звоном. – «Найди место». Должно быть, это то место, где хранится ее кожа. А «жизнь»… Должно быть, это «живи». Живи в мире.

Она явно гадала. Ясна была одной из лучших Говорящих с Призраками, но она определенно не так хороша, как та, первая, с которой встречался Киран. Она не могла рассказать ему все, что ему нужно было узнать.

Глаза Ясны распахнулись:

– Ее проникновение очень сильно, – сказала она и чуть наклонилась вправо. Потом выпрямилась, держа в руке маленький серебристый диктофон. – Прокрутим-ка запись, может, отыщем еще что-то.

Сердце Кирана упало, разбивая надежду. Он уже много раз ходил этой дорогой – и предвидел, что ничего путного из этого не выйдет. Если мать действительно застряла здесь, он не знает способа освободить ее. А значит, она продолжит страдать.

Страдать, как страдала при жизни.

Глава 9
Алексис

Что-то – даже не представляю, что – вырвало меня из глубокого сна. Я повертела головой, осматривая свою маленькую комнату. Задернутые шторы мирно висели, подсвеченные сзади тусклым уличным фонарем, торчащим над забором, отгораживающим задний двор. И никакие тени не нарушали безмятежности – значит, никакие злоумышленники за окном не притаились.

Холодный воздух гладил лицо, но сквозняка, намекающего на открытую дверь, не было. Черные тени, как обычно, густыми мутными лужами стояли в углах, лежали тяжелыми драпировками на мебели.

Я глубоко вздохнула. Наверное, меня разбудил какой-то кошмарный сон, которого я уже не помню. Весь вечер разум играл со мной злые шутки. Я вздрагивала от малейшего шума; и каждая тень, падающая на окно, заставляла тревожно вглядываться в сумрак.

Но все в моей комнате было так, как и должно быть. Все. Если незнакомец и вернулся, он за мной не подглядывал.

Влажный лающий кашель разорвал тишину. За первым приступом последовал второй, от которого затряслись стены.

Сердце мое екнуло, и я вскочила с кровати. А мигом позже моя дверь распахнулась.

С худого личика Дейзи на меня смотрели огромные, полные страха глаза.

– Что-то не так, – выдавила она. Эмоции душили ее. – Он не просыпается. Только продолжает кашлять.

Поспешно завернувшись в халат, чтобы вконец не замерзнуть, я бросилась в соседнюю комнату. Маленький ночник проецировал на потолок лесной пейзаж. Дейзи все еще нуждалась в ночнике – чтобы отгонять воспоминания о зверствах жизни. А тему всегда выбирал Мордекай – соответствующую тому, что он сейчас изучал.

Мягкий зеленый свет падал на груду одеял, в которые закопался мальчик. Груду сотрясал влажный кашель: казалось, что легкие Мордекая забиты слизью. Слизью, в которой он может утонуть…

– Пар, – выдохнула я, рванувшись к нему. – Принеси отпариватель.

– Да вот же, включено! – Дейзи ткнула пальцем в старый воздухоочиститель, который я нашла на улице в куче вещей, выставленных в качестве благотворительного пожертвования.

– *Отпариватель*, – повторила я, осторожно положив ладонь на лоб Мордекая. Холодный и влажный. Жара нет. Слава Богу.

– Точно, точно. Отпариватель.

Девочка выбежала из комнаты.

Я проверила его пульс. Медленный и ровный. По крайней мере с этим все в порядке.

Еще один приступ кашля сильно встряхнул тощее тело. Веки затрепетали, но не открылись.

Обычно такие приступы будили весь дом, начиная с самого Мордекая. И то, что он не просыпается…

– О Господи, – выдохнула я и прижала ладони к его щекам. К глазам подступили горячие слезы. – Пожалуйста, только бы все обошлось. Пожалуйста.

– Вот, – Дейзи влетела в спальню с отпаривателем в руках, в спешке запнувшись о ножку кровати. – У, жеваный гандон на дерьмовой булке!

Я шагнула к ней и схватила отпариватель, не обращая внимания на ругательства. Палец пройдет. А вот то, что происходит с Мордекаем, может и не пройти.

– Ну же, Морди, – из-за паники я едва могла говорить. – Очнись, Морди. Очнись.

– Черт, черт, дерьмо. Блин, как больно, – Дейзи, прихрамывая, вышла из комнаты.

– Мордекай… очнись, – я осторожно потрясла его. Потом тряхнула сильнее. – Хромай обратно и наполни отпариватель! – крикнула я Дейзи. – Я собираюсь его усадить.

– Я принесла сироп от кашля, – Дейзи вернулась, морщась при каждом шаге.

– Включи свет.

– Точно, точно.

Резкий желтый свет залил комнату, и мы обе прищурились. Веки Мордекая вновь дрогнули и на этот раз чуть-чуть приоткрылись. Он тоже щурился.

– Вот так. Хорошо, – я отдала отпариватель Дейзи, взяла бутылочку с сиропом и поставила ее на прикроватный столик. Потом стянула с Мордекая старое ветхое одеяло – и невольно улыбнулась сквозь хлынувшие с новой силой слезы, обнаружив, что паренек плотно завернулся в новое бирюзовое одеяло. Тепло-теплом, но и старых «друзей» он не бросил.

Значит, ему хуже, чем я думала. Сентиментальным он становился только тогда, когда боль становилась нестерпимой.

Я всхлипнула.

– Нам нужно достать эту антиметаморфозную сыворотку, Дейзи, – сказала я, втискивая руку между его спиной и матрасом. – Он… он… – Я не могла произнести это слово. Даже мысленно. Словно на «у».

– Сколько нам нужно? – Она подошла – с белым как мел лицом, с полными ужаса глазами. Я редко плакала в их присутствии, вот она и решила, что раз уж я реву, то пришел конец света. – Сколько у нас есть?

– Триста два доллара. Мне платят по пятницам.

Она подождала, когда я приподниму Мордекая, придавая ему сидячее положение, и поставлю отпариватель на край кровати.

– А как насчет арендной платы?

– У нас закладная, а не аренда, и… банк подождет пару месяцев, прежде чем вышвырнуть нас вон. Когда дела шли туго, они всегда давали моей матери отсрочку. И я попытаюсь получить какую-нибудь сверхурочную работу.

– Твой босс тебя ненавидит. Он не даст тебе и лишнего десятицентовика.

– Тогда я впарю поддельную наркоту твоему дружку. В общем, придумаем что-нибудь.

Мордекай качнулся вперед. Кашель рвал его грудь; парень давился слизью, скопившейся в гортани – и перекрывшей ему воздух. Грудь его бешено и бестолково сотрясалась.

– О Господи, Лекси, он не дышит!

– Помоги мне его выпрямить, – взвыла я, шагнула за спину Мордекаю и потянула его за плечи. – Неважно. Я держу. Включай отпариватель. Поставь на полную мощность.

В спешке она опрокинула очиститель воздуха: паника сделала ее совсем неуклюжей. Вилка прибора, прежде чем найти нужные отверстия и встать на место, стукнулась сперва о стену, потом о пластиковую панель розетки.

Крепко обхватив Мордекая, удерживая его прямо, я опять всхлипнула, на сей раз от облегчения, когда он с хрипом втянул в себя воздух. Дейзи подкрутила регуляторы отпаривателя, едва не сбросив его с кровати, потом подвинула прибор ближе и направила струю пара в лицо Мордекая. Слезы катились по ее щекам и капали на простыню.

Ползли минуты. Я держала Мордекая. Дейзи – отпариватель. Обе мы тихо плакали, пока мальчик боролся за воздух, скручиваемый жестокими приступами кашля. Но наконец – *наконец!* – влажное бульканье в его груди прекратилось. Дыхание выровнялось.

Он заерзал в моих руках и откашлялся еще раз.

– Ох, слава Богу, – Дейзи обняла его, ненароком заехав мне по лицу.

– Что случилось? – спросила я, боясь отпустить паренька, опасаясь, что он завалится и упадет с кровати.

– Он открыл глаза. Его глаза открыты!

– Что происходит? – тихо спросил Мордекай. От кашля голос его стал скрипучим.

– Дай ему сиропа, – зажатой рукой я слегка подтолкнула Дейзи. – Дай ему сиропа.

– Почему мы не можем просто отвезти его в больницу и притвориться, что у нас есть деньги, пока ему не окажут первую помощь? – спросила Дейзи, отвинчивая крышечку. – Там же не платят вперед. Счета выставляют потом.

– Они проверяют кредитоспособность, – пробормотала я, снедаемая виной. – Я уже пыталась.

– Ладно. Тогда у меня есть другой план. – Дейзи утерлась тыльной стороной ладони, размазав слезы по щекам. – Я найду кого-нибудь с магической медицинской страховкой и выйду за него замуж. Потом заявлю, что Морди на моем иждивении, и мы сможем отвезти его в больницу.

– Твой план нуждается в доработке, – слабо проговорил Мордекай, и я едва сдержала рыдания. Не нужно ему знать, как сильно мы тревожились за него. Он почувствует вину за то, что причиняет нам столько горя. А ему нельзя тратить энергию на что бы то ни было, кроме как на то, чтобы оставаться в живых.

– Мы справимся. Просто потерпи еще несколько дней, Мордекай, и у нас будет лекарство для тебя. – Я рискнула ослабить хватку. Мордекая повело вперед, но он удержался.

– Не знаю, почему мне становится хуже. С последней дозы прошла всего неделя, – пробормотал он.

– Половое созревание, – я погладила его по спине. – В твоем теле прямо сейчас происходят большие изменения, дружище. Может, дело в скачке роста. Я слышала, что твой отец был весьма крупным парнем. На оборотней пубертатный период влияет сильнее, чем на людей.

– У нас нет денег на мою привычку…

Закончить он не успел.

Звонкая пощечина отбросила его ко мне. Дейзи опустилась перед ним на колени. Новые слезы бежали по ее искаженному гневом лицу.

– Не смей так говорить! У нас *есть* деньги. Остается только их найти. Вы двое – моя семья. Вы мне нужны. Вы оба. Так что не смей сдаваться. Мы достанем эти лекарства. И пошел ты на хрен за то, что напугал меня.

Над нами повисло молчание, липкое, перенасыщенное

эмоциями. Я должна была отругать Дейзи за то, что она ударила Мордекая. Должна была накричать на нее за ругань.

Но смех облегчения так и рвался из меня – и я, не сдержавшись, расхохоталась, цепляясь за Мордекая.

– Спасибо, и тебя туда же, – сказал он, потянувшись к ней.

Она была права – нас только трое. Наша семья – все, что есть у нас в этом мире, и для нас просто немыслимо потерять его. Не могли мы его потерять.

Как угодно, любыми средствами – я должна добыть лекарство.

Глава 10
Алексис

С опухшими глазами, вымотанная до предела, поутру я потащила свою усталую задницу на работу. Полностью Мордекай, конечно, не поправился, но сироп облегчил его кашель, позволив крепко уснуть.

Однако ни Дейзи, ни я уже не сомкнули глаз. Обнявшись, мы сидели на кровати Мордекая, неотрывно наблюдая за ним, чтобы удостовериться, что он в порядке.

Стеклянные двери раздвинулись, и в лицо мне пахнуло затхлостью. Кремовые полы сияли под светом ярких потолочных неоновых ламп. Передо мной раскинулся лес вешалок с одеждой; за ними высились полки с нижним бельем. Справа располагались средства личной гигиены, а дальше, в глубине, находился мой отдел – постельных и банных принадлежностей.

Если я работаю в крупнейшей сети магазинов, где есть все – почему я отправилась за одеялом в другую лавку? Потому что данный конкретный магазин принадлежал кучке ненавидящих магию сволочей, управлялся еще одной сволочью, и продукция его разрабатывалась сволочами так, чтобы ломаться и разваливаться через пару месяцев работы, дабы

клиенты возвращались за новой порцией. Тем не менее это была работа, в которой я остро нуждалась, поэтому я мирилась с ней.

Что дают – берешь и не ноешь.

Я вздохнула. Ненавижу, когда высказывания матери самовольно лезут мне в голову, портя и без того скверное настроение.

Пробив карточку табельного учета, я направилась в свой отдел – и пару секунд тупо созерцала полнейший разгром, учиненный всего за несколько часов. Коврики для ванной измяты и затоптаны, полотенца скомканы как попало, цвета перемешались, а держатель для зубной щетки валяется на полу разбитый вдребезги – люди такие неряхи, когда знакомятся с товарами дешевого, лишенного индивидуальности магазина.

А может, так же неуважительно они ведут себя и в любом другом месте. Понятия не имею, но если бы Дейзи и Мордекай устраивали такое у нас дома, то получили бы взбучку.

Мысль о Мордекае изгнала праведное раздражение. С тяжелым сердцем я приступила к своим *управленческим* обязанностям – в отделе, состоящем из одного человека, двигаясь из одного конца секции в другой, прибираясь за посетителями. Завершив проход, я начала все сначала, устраняя все тот же бардак на тех же полках, которые вроде бы только что привела в порядок. Бесконечный цикл, что и говорить.

Через несколько часов моего бездумного оцепенения в

кармане завибрировал телефон. Надеясь, что это будильник возвещает о начале ленча, я извлекла мобильник на свет и глянула на экран.

Страх пронзил мое сердце. Звонили из дома, а поскольку Дейзи и Мордекай знали, что мне запрещено пялиться в телефон или отвечать на вызовы в торговом зале, значит, ситуация была чрезвычайной.

– Да? – выдохнула я, торопясь к складу.

– Это я, – в голосе Дейзи звучали страх и решимость. – Он опять за свое, и я не могу его разбудить. Алексис, он умрет, если мы не сделаем что-нибудь. Он и двух дней не продержится. Тебе это известно не хуже, чем мне.

Словно стальные обручи сдавили мне грудь, но я проглотила страх. Делу это не поможет.

– Постарайся усадить его и включи отпариватель. Дай ему средство от кашля. Я попрошу аванс наличными. Так мы выиграем время.

– Это тебе слишком дорого обойдется, – понятия не имею, откуда она узнала, но, поскольку это было правдой, я ничего не сказала. – Кроме того, ты уже пыталась, и тебе отказали. Ты маг, помнишь? Тебе не доверяют. Но этот урод Денни должен мне двести баксов. На том и сыграем. Прихвати там у себя меч или еще что-нибудь. Если я позвоню снова, это будет означать, что все пошло прахом и мы должны дать отпор.

– Нет! Нет, – Я понизила голос, поскольку парень на по-

грузчике подозрительно зыркнул на меня, и поспешила к огромному штабелю нераспечатанных коробок. В дальнем углу праздно стояла женщина в другой униформе, подпиливала ноготь и мрачно наблюдала за мной. Понятия не имею, что она тут делала. – Я попрошу аванс наличными. Ты согласишься на ту работу у отца Денни.

И, пожалуйста, не зови этого мальчика «уродом» в лицо. Людям это не нравится. Кстати, он ведь мальчик, да? Не взрослый мужчина? Он твой ровесник?

– Если он не заплатит, я назову его уродом! И – да, ему четырнадцать. Почему, думаешь, он купил поддельную травку? Потому что не знает ничего лучше.

– Аргумент. Но… Просто согласись на работу в их семейной ветклинике.

– Лекси, я тебя люблю, но решения ты принимаешь дерьмово…

– Немедленно *перестань* ругаться!

– …и деньги не растут на деревьях… – голос ее оборвался: на заднем плане раздался хриплый отрывистый кашель. – Черт. Ох черт. Там кровь.

– *Что?*

Я стиснула мобильник так крепко, что он, казалось, сплавился с моими пальцами и ладонью. Женщина в форме сделала шаг в мою сторону. На лице ее было написано замешательство.

– Он кашляет кровью! Кровью! Что мне делать?

Меня бросило в жар.

– Проклятье. Все к черту. Возьми деньги у Денни. Дома есть бита. Если он заартачится, скажи ему, что я лично набью ему морду. Пожалуйста, не держи на меня зла за это жуткое воспитание.

– А как быть с Морди?

– Я сейчас приеду. Я присмотрю за ним.

Сама того не осознавая, я уже неслась по магазину, направляясь прямиком к кабинету начальства. Добежав, я, задыхаясь, ворвалась внутрь.

Блестящая лысая голова Джейсона Бертрама дернулась, резко повернувшись ко мне. Раздражение его было очевидным: ну как же, пришлось оторваться от такого захватывающего занятия, как раскладывание пасьянса. Конечно, он занят, он ведь начальник. И, конечно, шутить сейчас не стоило. Мне нужно, чтобы он был на моей стороне.

– Извините за вторжение, мистер Бертрам. – Я положила руку на дверной косяк, показывая, что технически я не вторгаюсь в его личное пространство. Мелочь, а все-таки. – Но у меня возникли срочные семейные обстоятельства. Мне нужно уйти на ленч пораньше.

Круглое лицо омрачилось: довольно обычное явление при разговоре со мной. Он и нанял-то меня только потому, что мало кто проявлял желание работать в зоне двойного сообщества.

– До твоего ленча еще… – он посмотрел на часы, – …три

часа.

– Два. Я пришла в девять. Но у меня нет выбора. Мой подопечный болен. Нужно, чтобы кто-то присмотрел за ним, пока другая моя подопечная сходит за лекарством.

Карие глаза начальника остались холодными и равнодушными.

– Твой ленч через два часа. Пусть твоя *подопечная* подождет, пока…

– Он может не протянуть двух часов. Пожалуйста, мистер Бертрам…

– Как не находящаяся в отпуске по болезни или по уходу за больным родственником…

– У меня не бывает таких отпусков. Я не подпадаю под трудовой кодекс, я ведь маг…

– Думаю, тебе следует очень серьезно взглянуть на свою жизнь. Предприятие не может жонглировать расписанием из-за взбалмошного сотрудника.

– Но, мистер Бертрам, всего два часа…

– Довольно. Уйдешь раньше – и можешь подавать заявление об увольнении по собственному желанию.

Губы его сжались в тонкую бесцветную линию.

Несколько секунд я ошарашенно смотрела на гада, приоткрыв рот. Рассудок лихорадочно перебирал варианты занятий, за которые я могу ухватиться, пока не найду другую работу. Потом перед моим мысленным взором мелькнуло больное, измученное лицо Мордекая.

Губы мои скривились в невеселой улыбке.

– Ты – жалкий ублюдок. – Я сорвала с рубашки бейдж с моим именем, подумывая о том, не воткнуть ли булавку начальничку в ногу. Но тогда он мог вызвать копов, а мне это совершенно ни к чему. – Подавись ты своей работой. Кстати, для протокола, я точно знаю, что у меня самый чистый, самый аккуратный отдел во всем этом вшивом магазине. С тех самых пор, как я начала работать, меня регулярно номинируют на звание сотрудника месяца. Посетители отзываются обо мне как о внимательном и вежливом продавце. Всего за полгода я заработала звезду за отличное обслуживание. Звезду, которую, естественно, никогда не видела. – Глаза толстяка расширились, щеки побагровели. – Да, я просматриваю досье. Мне хочется знать, хорошо я работаю или мне нужно совершенствоваться, а поскольку никто тут не удосужился ввести меня в курс дела, мне пришлось заниматься самообразованием. Мы, маги, отличаемся ловкостью и изобретательностью, как тебе, наверное, известно, грязный злобный ублюдок. Надеюсь, за ленчем юркая птичка нагадит тебе на лысину! Возможно, я даже использую свою «суперсилу», чтобы это произошло!

Бертрам шумно втянул в себя воздух, и я едва расслышала сорвавшееся с его бескровных губ слова «ведьма». Уверена, живи мы в эпоху охоты на ведьм, он был бы одним из тех близоруких пуритан-лицемеров, что возглавили бы мое побивание камнями.

А я не ведьма. Я отдала бы свою левую руку за такую магию. Но невежды вроде Джейсона Бертрама – классические чеширы – считают любую женщину, обладающую магией, ведьмой, не желая слышать ничего другого, и каждого готовы убеждать, что огонь – лучший способ избавить от нас мир.

Сказали бы такое элементалю огня. Вот бы тот посмеялся.

Свою последнюю зарплату я получу через двадцать четыре часа. Таков закон в этой зоне – независимо от того, что произошло здесь сейчас.

Ворвавшись в свой дом, я сразу кинулась в комнату подопечных. Обмякший Мордекай лежал на кровати, изо рта его сочилась красная струйка. Дейзи была права. Он умирал.

– Фрэнк, давно ушла Дейзи? – спросила я, снова рванувшись к входной двери, запоздало заметив записку, оставленную на кухонном столе. Хотя не знаю, ушла ли она сразу после разговора со мной, или еще попыталась привести Мордекая в чувство.

– Эта сквернословящая девчонка с кукольным личиком ушла минут пятнадцать назад, – доложил Фрэнк. – Бегом побежала. Знаешь, это противозаконно – не пускать несовершеннолетних в школу. Они нарушают…

– Поняла, поняла. А теперь убирайся с моей лужайки.

Я захлопнула дверь и поспешила к столу, чтобы прочитать торопливо нацарапанную Дейзи записку.

«Времени нет. Взяла твою заначку. Вернусь с лекарством

и сдачей».

Моя заначка – то есть все, что у меня было, до последнего цента. Деньги хранились в тайнике, о котором дети знали – как раз на такой случай.

Вернувшись к Мордекаю, я уложила его голову к себе на колени, убедилась, что дыхательные пути не перекрыты и пар попадает в них, и занялась тем единственным, чем могла заняться сейчас.

Стала ждать.

Глава 11
Алексис

Прошла, кажется, целая вечность, прежде чем я услышала, как с грохотом распахнулась входная дверь. Однако взгляд на будильник, стоящий на прикроватном столике, доказал, что дома я пробыла всего полчаса. Этого времени Дейзи определенно не хватило бы ни на что.

В коридорчике, ведущем направо, к кухне, послышались шаги. Шелест, сопровождающийся тихим стуком, наложился на грохот моего сердца, бьющегося о грудную клетку. Кто, черт возьми, вошел только что в мой дом?

Шаги повернули к спальне, и дверь стремительно распахнулась – да так, что ударилась о стену, оставив на ней отпечаток.

В проеме стояла Дейзи: с белым застывшим лицом, обрамленным темными растрепанными волосами. Ее окровавленные пальцы сжимали что-то, чего я не могла разглядеть.

– Я потеряла возможность получить эту работу.

– Что? – выдавила я.

– Оказалось, что ублюдок знал, что наркота поддельная. Он просто хотел со мной позабавиться. У него и денег-то не было. Так что я ударила его по лицу и обыскала его комнату.

Она остановилась у столика и осторожно опустила на него то, что держала в руке.

Сердце мое упало. Антиметаморфозная сыворотка!

– Как ты ее достала? – выдохнула я, охваченная облегчением и страхом.

Она сунула руку в карман и вытащила пачку денег.

– Как он?

– Пульс слабый, но он держится. Как ты это достала? – повторила я.

– Украла, вот как.

– Но… твоя рука…

Общая картина никак не складывалась, и меня немного тревожила мысль о том, как бы то, что она принесла домой, не оказалось похожим на тот просроченный перцовый баллончик.

Дейзи быстро вышла из комнаты и исчезла в ванной. Заскрипел выдвигаемый ящик комода.

– Перетряхивая шмотье этого лживого ублюдка, я нашла припрятанные грязные журнальчики, – крикнула она. Ящик заскрипел снова, и Дейзи вышла в коридор. – И среди них – один для геев. Судя по тому, как был потрясен мой дебил, когда я нашла компромат, журнал действительно не его – и у того дружка, который всучил ему эту стопку, какого-то парня по имени Мартин, имеется свой секрет. Но папаша дебила большой ханжа. Ему бы не понравилось обнаружить у своего сына гей-порно – он бы сразу решил, что его отпрыск голу-

бой. Понимаешь, куда я клоню?

– Так ты его шантажировала? Но ты же сказала, что у него не было денег.

Она положила рядом с ампулой шприц.

– Не было. Но это натолкнуло меня на одну идею. Слушай, давай-ка поменяемся местами. Ненавижу иголки.

Я осторожно выскользнула из-под Мордекая.

– Гей-порно натолкнуло тебя на идею?

– Нет. Ну, да. Натолкнула меня его реакция на гей-порно. Я сказала, что не выдам его, если он отвлечет своего отца ровно настолько, чтобы я смогла войти и украсть что-нибудь из ветеринарного кабинета.

– Но… откуда у ветеринара антиметаморфозная сыворотка?

– Он ветеринар в зоне двойного сообщества. – Дейзи улыбнулась, как бы подчеркивая свою гениальность. – Он держит эту дрянь, чтобы продавать на сторону. Что-то вроде черного рынка для магов, не желающих вливаться в систему. Они заплатят вдвое и без вопросов получат свое ширево. У него куча всего – вакцина для вампиров, чтобы они могли прогуливаться под солнцем, лосьон для фей, чтобы те не разбрасывали повсюду свою пыльцу, а еще…

– Сыворотка, блокирующая зов луны.

Глаза ее блеснули:

– Именно. Штука законная. Кстати, я расколола камеру наблюдения, стерла тряпкой все отпечатки пальцев и украла

еще кучу всякого дерьма, чтобы никто не подумал, что приходили за одной-единственной вещью. Правда, там осталось немного моей крови – я перестаралась, разбивая окно, – но это не должно создать проблем. Я не маг, и ущерб невелик. Не стоит он драгоценного времени детектива, и определенно не стоит затрат на анализ крови. Если я не устрою повтор акции, то все будет в порядке.

Моя потянувшаяся к шприцу рука застыла. Я бы ни о чем таком не подумала.

Какого черта девчонка, которая на одиннадцать лет младше меня, настолько лучше во всем разбирается?

Мысли, должно быть, отразились у меня на лице, потому что она закатила глаза и осторожно передвинула руку Мордекая, чтобы мне удобнее было делать укол.

– Я росла в системе, если ты вдруг забыла. Так что то, что я сделала – ангельский поступок по сравнению с выходками некоторых других детдомовцев. Один, например, пытался организовать сеть проституток – ну это так, просто чтобы дать тебе представление. К счастью, я смылась до того, потому что товар был бы весьма востребован. Хотя, уверена, в конце концов парню все равно надрали задницу.

– Мне пришлось уволиться, – выпалила я, рывком извлекая шприц из шуршащего полиэтилена. Нет, нужно сбавить темп, чтобы не напортачить. – Этот жалкий ублюдок не разрешил мне уйти пораньше, вот я и отправилась на долгую, можно сказать, *вечную* прогулку.

Дейзи вздохнула:

– Вот дерьмо.

– Все у нас будет в порядке. – У меня тряслись руки, и я сделала пару глубоких вдохов. Сейчас, сейчас Мордекаю будет лучше, как только я введу ему сыворотку. – Посмотри, что ты сделала нынче утром. Ты же спасла положение!

– Ну, у меня есть еще три ампулы. Так что на некоторое время лекарством мы обеспечены. – Дейзи, тоже глубоко вздохнув, погладила Мордекая по руке. – И я добыла еще какую-то дрянь. Вот выясним, какую именно, продадим – и продержимся, пока ты не найдешь другую работу.

Я набрала в шприц обычную дозу, боясь вколоть больше, чтобы не вызвать у мальчика плохую реакцию. Сколько лет мне приходится это делать, но я не врач. И даже не ветеринар. Дрожащая в моей руке ампула – очередное тому доказательство.

Я закрыла глаза, успокаиваясь. Я *должна* успокоиться. Все с ним будет в порядке. Теперь, когда у нас есть сыворотка, он придет в норму. Как уже бывало раньше.

Должен прийти в норму.

– Может, ты заработаешь своей магией? – Напряженно наблюдающая за моими действиями Дейзи передернулась. – Ну и мерзость.

Я фыркнула, но на смех сил пока не хватало. Моя способность видеть духов пугала ее. Как и мысль о том, что мертвые ходят среди нас. Большинству людей это неприятно. По-

тому-то меня и считают *ненормальной*, даже в магическом сообществе.

Я приподняла шприц, проверяя уровень сыворотки. Адреналин еще бурлил в крови, но дрожь уже унималась.

– Ты же знаешь, как скверно это оплачивается. Если ты не лучший из лучший, если не имеешь солидного послужного списка, то работы для тебя нет. Но я буду участвовать в этом шоу уродов столько ночей, сколько смогу, пока не найду что-нибудь другое. Хорошо?

Еще один глубокий вдох, и я осторожно присела на кровать рядом с Мордекаем. *Легко и просто*. Приподняв руку мальчика, я приготовилась сделать ему укол.

– Тебе следовало пойти в колледж, – прошептала Дейзи, замерев. Кровать все еще подрагивала.

С ним все будет в порядке. Будет.

– Я ходила. В каком-то смысле.

Задержав дыхание, я воткнула иглу в мышцу на предплечье Мордекая и большим пальцем надавила на поршень, вводя сыворотку.

– Прочитать кучу библиотечных книг – это не колледж, – заметила Дейзи.

– Представь себе, моя мать училась в колледже. Она подсказывала мне, что читать.

– Диплом колледжа облегчил бы тебе поиск работы.

Вся прозрачная жидкость перетекла в руку Мордекая. Вытащив иглу, я встала и усмехнулась словам Дейзи:

– Отнюдь. Нужна еще магическая кровь… или реальная сила, дополняющая магическую кровь. Или та разновидность магии, которая пользуется спросом…

– Ясно, ясно, – Дейзи опять погладила руку Мордекая, глядя на него сверху вниз.

После десятиминутного молчания я, затаив дыхание, проверила пульс Мордекая.

И проглотила душивший меня комок.

– С ним все будет в порядке, – меня снова трясло. К глазам подступали слезы. – Пульс уже лучше. Он придет в норму.

Тяжкий вздох вырвался из груди Дейзи:

– Слава Богу.

Это никогда не переставало меня удивлять. Сыворотка подействовала почти сразу. Пульс стал ровным, уверенным. Я знала, что через несколько секунд выровняется и дыхание. Для быстрого исцеления оборотню нужно перекинуться, но это не означает, что организм оборотня не имеет запаса жизненных сил в человеческом облике. Теперь, когда человеческая сторона Мордекая не сражается с магией, сторона оборотня займется борьбой за здоровье.

– Ты когда-нибудь желала лучшей жизни? – тихо спросила Дейзи.

– Иногда. А ты?

Она прижалась щекой ко лбу Мордекая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.